

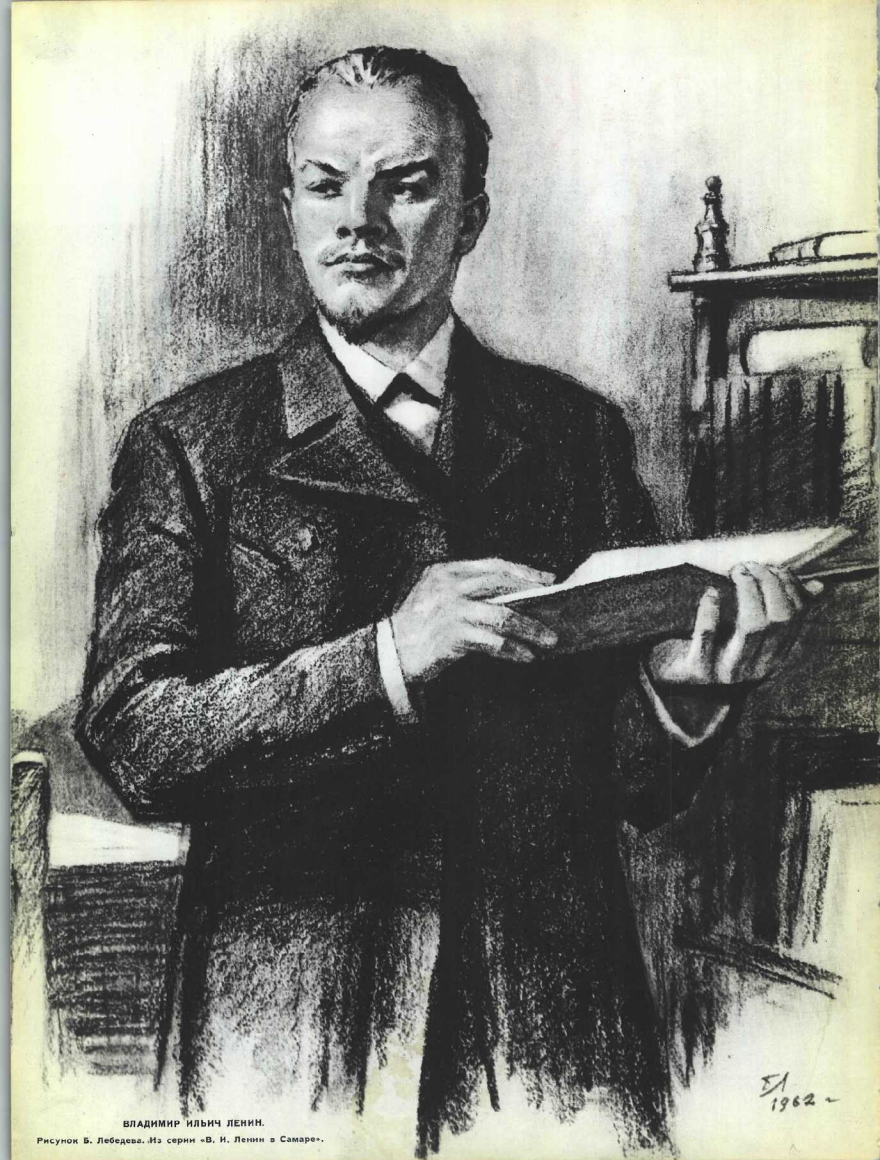
СМЕНА

8
1962

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН.

Рисунок В. Лебедева. Из серии «В. И. Ленин в Самаре».

ФАКЕЛ РОСМЕТЕЯ — В ТВОИХ РУКАХ

К тебе я обращаюсь, незнакомый юный друг! Неважно, что я не знаю ни твоего имени, ни твоего лица. Быть может, ты сейчас обрабатываешь на станке детали, ведешь трактор по распаханной тобой целинной степи Казахстана или в глухой тайге устанавливаешь щит с названием нового поселка. Но я знаю, что, где бы ты сейчас ни был, со мной все свои силы, чтобы по-комсомольски отметить свой XIV съезд, который наметит конкретные задачи участия молодежи в выполнении величественной программы партии Ленина — программы построения коммунизма.

Я знаю, что у тебя краплене руки и горячее сердце, что это именно ты своими глазами увидишь солнечные города и сады будущего, лица космонавтов, вернувшихся с Марса и Венеры, людей, победивших старость и болезни. И поэтому я по-хорошему завидую тебе, мой юный современник, — ведь на твою долю выпала честь сделать явью тысячелетнюю мечту человечества о создании «золотого века» на земле.

Молодость... Пора становления личности, характера, пора творческих, асплюющие поисков своего пути, своего места в жизни. Для тебя это главным образом время выбора профессии, дела по душе, в котором могли бы наиболее полно раскрыться твои способности. Не спорю, это очень большой и серьезный вопрос, но все же тебе сейчас гораздо легче, чем было когда-то людям моего поколения. Ведь для тебя ясно главное — конечная цель, смысл твоего жизненного пути. Нам же приходилось много блуждать и ошибаться, прежде чем мы начали понимать, что настоящее счастье не может быть сугубо личным, что оно неотделимо от счастья всего человечества, за которое нужно бороться, не чужды сил.

Да, тяжело было прийти к такому выводу в жестоком капиталистическом мире, где действует звериный закон «если я тебя сегодня не съем, то завтра ты сожрешь меня», а зло провозглашается как главная сила человека, где литература, искусство, философия, оказывающие огромное влияние на молодежь, воспевают крайний индивидуализм, одиночество, уход от действительности, уверяя, что только

в равнодушием, пассивном отношении к якому неизбежному злу и закроется истинное счастье.

Я провел свою юность в буржуазной Латвии. Там царил нужда, безработица, реакция. В погоне за куском хлеба приходилось работать то грузчиком в порту, то лесорубом, то в рыбачьей артели. И повсюду я видел беспощадную эксплуатацию, невыносимые условия труда. Думая найти лучшую долю в других странах, нырял кочегаром на пароход, отправляющийся за границу. Но в портах Англии, Германии, Бельгии, Франции, Дании я встретил ту же нищету, бесправие, заботность, с одной стороны, и хищную алчность, цинизм, духовное уродство — с другой. Ненавижу, она была повсюду, но только голодного к сытому, но и голодного к голодному, так как бедняк еще тогда не понимал, что причина его несчастий отнюдь не в том, что кому-то удалось сегодня, опередив других, заработать несколько грошей.

Истинных врагов народа меня научили различать товарищи, с которыми мы плечем к плечу долгие годы сражались в революционном подполье против буржуазного господства и фашистского террора. Среди них я, простой рабочий парень, впервые увидел, как униженные, задвиганные нуждой люди, объединившись, постепенно распрямляют плечи и превращаются в несокрушимую, гордую силу, способную свергнуть горы.

А представителя твоего поколения трудно даже представить вне коллектива. С первых дней создания комсомола для молодежи стало хорошей традицией решать сообща все волнующие ее вопросы, всегда неразрывно связанные с нуждами и заботами страны. Главные страницы ее истории стали биографией комсомола.

«Я умерла за Родину, за коммунизм», — писал матер комсомолец боец латышского добровольческого отряда Бина Лурье. — Отступление быть не может. Мало умирать в двадцать четыре года, но в настоящей борьбе, где на весы истории всего человечества ставятся миллионы жизней, я свою жизнь отдаю, зная, что будущее поколение и вы, оставшиеся в живых, будете нас чтить, вспоминая как освободителей мира от ужасной фашистской чумы».

Да, мы не забудем героев комсомольцев двадцатых, тридцатых, сороковых годов, потому что вечным памятником им стало могущество нашей Родины, страны победившего социализма, первых в мире спутников и космических кораблей.

И теперь комсомолия на своем XIV съезде заявила всему миру, что величественная программа построения коммунизма стала программой жизни молодежи нашей страны.

Пусть кричат буржуазные писакы о невыполнимости наших задач — их песня не нова. Еще в 1930 году немецкий промышленник Сазн фон Мюллер скептически усмехался по поводу надрора тракторного завода, подвизавшегося на берегу Волги: «Верховные комиссары всеерьезнее полагают, что семь тысяч необученных подростков, среди них 35 процентов девушек, смогут сегодня-завтра скопировать методы Форда, основанные на опыте целого поколения... превратить недисциплинированных, ослепленных боевыми лозунгами комсомолец в современных рабочих... Это так скоро не удастся».

Однако удалось. Всего через два года после

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Литературно-художественный и общественно-политический журнал Центрального Комитета ВЛКСМ

8 АПРЕЛЬ 1962

Год издания тридцать девятый.

ДА ВОЗВЕШТЕ ВЕСНУ ИЗ МОСКВЫ!

этого высказывания завод достиг проектной мощности: 144 трактора в день. Конечно, сейчас это число покажется скромным, цифры, указанные в Программе, несравненно грандиознее, но и они будут воплощены в жизнь. И тогда не только в том, что советские инженеры, грамотные техники, ногаор, уже давно во многом превзошел знаменитые фордовские методы. Действительно все наши планы обещаются прежде всего тем, что программа базируется на верой в возможности человека, опирается на самое лучшее и гуманное, заложенное в его натуре. Это не хищные замыслы завлечь соседних государств и грабить чужие народы, как это делали в годы новой войны и обогащения за счет народных кривой, а светлые перспективы строительства нового общества на земле, основанного на принципах Друды, Труда, Равности, Братства и Счастья всех народов.

На страницах газет и журналов, на экранах телевизоров теперь часто прохлдит диспуты о том, каким он будет, человек коммунистического завтра. Не удивительно, что спросили особенно много тебя, коммунистический шестидесятый год... ведь тебе предстоит стать членом будущего общества И ты, наверное, читаешь строки морального кодекса строителя коммунизма... спрашивая себя: а что же будет? Идут ли ребята, вечером сижу за партой, решаю какие-то уравнения, когда, быть может, надо все бросить и учиться коммунизму. Еще Владимир Ильич Ленин в своей предательской речи на III съезде комсомола предостерегал молодёжь от одностороннего понимания этой фразы. Учиться коммунизму — это не значит просто усвоить сумму знаний, изложенную в коммунистических учебниках, а значит — коммунистически мыслить. Такими путём воспитывает не коммунистов, а начетчиков в хвастуноу. «Первой была задача строительства», — говорил В. И. Ленин, — а вы ее можете решить, читая савады и журналы, а вы можете учиться превратить коммунизм из готовых заученных формул, советов, рецептов, предписаний, программ в то живое, что объединяет вашу непосредственную работу, придает ей смысл и придает в руководяство для вашей практической работы».

Тебе, наверное, приходится встречать людей с высшим образованием, умеющих лично порассуждать и о прибавочной стоимости, и о том, что это характеристический признак, а основным законе социализма, а на деле оговаривающихся мешанинами, бездельниками, пустыми фразерами. Ленин учил, что только в практической работе, в коммунистическом служении делу коммунизма выковывается новый человек.

В самом деле, наверное, тебе порой кажется, что ты совсем не изменился с тех пор, как несколько лет назад поступил на завод. Но так ли это? Вспомни, когда ты впервые пришел в цех и обнаружил, что твои руки стали вдруг чужими, непослушными, и когда глаза бравовавшихся деталей у станка начала катастрофически расти, вспомни, как в тебе на помощь пришла твой сосед. Он остался в цехе, а ты ушел. Ты сказал, слова и слова терпеливо разъясняя операцию, поправлял, показывал. И когда ты с сияющими глазами сообщил ему, что сегодня наконец выполняешь норму, то вдруг понял, что это не ты, а просто сам по себе человек, а ты — лишь ливень. Это значит, что если тебе тяжело, если с тобой страшно беда, эти когда-то чужие тебе люди, которые трудятся рядом, всегда поддержат, пойдут, помогут тебе. Но ты не сказал бы, что с той минуты тебе стало легче жить: ведь и ты теперь почувствовал ответственность не только за свою, но и за их судьбу, дело всей бригады, завода стало твоим личным делом. По вечерам, когда ребята решили соревноваться за звание коллектива коммунистического труда, ты с радостью принял заповеди своего коллектива. Разве можно было стоять в стороне в то время, когда оно было столько впереди? Ты не мог поднять производительность труда; разве можно было прогуляться занятия в вечерней школе, если все должно получить аттестат зрелости? И сам тогда замечая, ты таялся за коллективом, рос вместе с ним.

Но это не значит, что ты должен целиком полагаться на силу коллектива, который так или иначе «вызвезет» тебя в коммунизм. Никто не выберет за тебя любимую профессию, не

заставит в обязательном порядке заниматься спортом, посещать университет культуры, не вынесет выгора за то, что мало читаешь. Ты сам первый пошевнешь, если тебе мало изображать человека будущего, этого человека, который страдательно одышкой или же пожиманием на того парня из анекдота, который был убежден, что Ренессанс — это любимая лошадь Дон-Кихота.

Мы видим человека коммунистического общества красивым, сильным, обладающим большой внутренней культурой, поэтому не надо ждать, пока тебя поведут за ручку в консерваторский или в картинный музей в порядке общепонятного импрессионизма.

Ты сам должен выбирать книги, которые дадут много пищи для размышлений, приучат тебя слушать хорошую музыку, следить за новыми научными выставками. Нужно, чтобы в твоей домашней библиотеке появились Чехов и Райнис, Шекспир и Гете, литература по истории искусства. Быть может, вначале все это покажется тебе вредным, но зато когда ты, будучи охваченным этими явлениями человеческого гения, то почувствуешь, что жизнь стала в тысячу раз богаче, полнее, интереснее, и будешь желать только о том, что так долго обрабатывал себя.

Чтобы иметь право войти в коммунизм, тебе вовсе не обязательно совершить какой-то необыкновенный подвиг, о котором заговорили бы все страны. Для подвига нужны определенные условия, и мне кажется, что подвиги на земле героев — тем и замечательны, что в них наиболее полно проявились черты характера простого и вместе с тем великого советского человека, что они типичны в том смысле, что почти каждый из нас в какой-то мере этими поступки бы так же. А потом, наиболее тяжелыми и славными является не подвиги минуты, часа, а подвиг долгих недель, месяцев, лет. Вспомни героическую романтику наших трудов и будней.

Вспомни документальный фильм «Люди голубого огня». В нем рассказывается об обыкновенных строителях газопровода. Метр за метром по болотам и пустыням прокладываются дорожки голубого огня, несущему удобства и тепло в дома, а сами живут в палатках, работают и под проливным дождем и под паллящим солнцем. Подвиг? Да, безусловно. И сколько таких скромных безвестных подвиги, сколько замолочку материальную благ будущего общества, общества изобилия, можно встретить на наших полях, заводах, новостройках, и если ты, мой юный друг, из них числа, то слава тебе! Ведь из такого самостоятельного ежедневного труда и складывается наше поступательное движение к коммунизму. Никогда не забывай об этом, умеи за малым видеть большое.

«Русские ломают природу подковами», — писал один исследователь по нашей стране во французской газете, — ему все время подсовывают телескоп, а в время как он привил к простым очкам».

Что тут можно ответить? Конечно, очки — вещь хорошая, и если кто-нибудь из нас может унасть и раскрасить себе нос. Но когда смотришь только себе под ноги, то эти камешки, пылинки вдруг вырастают до невероятных размеров, замывают собой все. Присядь, присядь в пустот топтания на месте, в ничем-нибудь и бессмысленную суету. «Если человек не сумеет отвести мочу из неадекватное место, создаст какой-то русский писатель. Леонид Андреев поддается ей, а поддается, делает ее своим господином, он превращается в самого жалкого и нелепого существа в мире».

И мы гордимся тем, что Программе, принятой на XIII съезде партии, была поставлена задача — использовать все силы науки и техники, открывающие прекрасные горизонты будущего, к которому мы идем. Когда-то, еще в глубокой древности, народ сложил чудесный миф — Прометей, который сумел свести восстать против яростной силы богов. Факел богу за счастье людей, зажженный его бессмертным огнем, твои деды и отцы пронесли сквозь каторгу и ссылку, сквозь тюрьмы и лагеря, сквозь гудящий огонь и ад фашистского концлагеря. Тебе, юность шестидесятых годов, партия доверила наверх изверженного его над, прибавившей землей зари прошлого дня. Мы, старшие поколения коммунистов, знаем: он в наших руках!

...И опять еду дружи и опять еду дальше — и снова в гости, в гости. Ромашки, ромашки, ромашки, белые шапочки, цветы на Ярославском вокзале весна. Москвитин на стои на Дальнем Востоке, другие — в Сибирь. Едут туда, где очень нужны их рабочие руки, и молодой задор и пылкость, и упорство, где нужна молодость.

«Едем мы, дружи!»... Сколько весел слышать эту песню комсомольские вокалы! Хотя, если надо, уезжали немомольными и зимой. «Если надо» — это как приказ для сердца. «Если надо» — и встал Янгитогорис. «Если надо» — и в Маргнитово. «Если надо» — и в Ярославле. «Если надо» — и покинулись белые листочки завывания на стои на Дальнем Востоке, и ступали потом колесами на перегонах, и поднимались города в степи, и колосились хлеба, и мучились молодые сердца... Советская молодёжь!... Сколько она уже сделала хорошего на нашей земле! — говорил на XIII съезде КПСС Минута Сергеевич Хручев, — и сколько делает, воодушевленная великими планами коммунистического строительства».

Сейчас стране надо как можно больше мяса и молока, надо повысить многоводность, резко увеличить поголовье свиней, вырастить еще больше хлеба. Потому что без мяса не будет коммунизма. Ради этого собрался в Москве мартовский Пленум Центрального Комитета, на этот раз с думой депутатов областного съезда ВЛКСМ.

Все страны облетел боевой призыв Пленума: Центральный Комитет призывает юношей и девушек городов и рабочих поселков поехать на работу в колхозы и совхозы. Труд на полях и фермах — это благородный и почетный труд. И опять в комсомольских районах стоит весенний гуд молодых голосов. И опять на стои логичность заявления. И опять стучат колеса.

Время творит людей с беспомощными сердцами. И беспомощные сердца слышат сделать будущее настоящим. Семикомсомольский отряд комсомольцев выехал в Дзержинск на передний край борьбы за хлеб лучших из лучших. Едут целыми бригадами коммунистического труда и строительства с завода «Серп и молот».

На одном из вагонов поезда: «Привет, коммунисты! Здравствуй, завод Владимир Ильича, Помазай, это самый шумный и самый радостный завод! Динтриевича и свеслар Владимира Мотыгина. Они пришли сюда прямо из загса. Поздравляем друзей, посланные на работу в свеслар пшеницы. Они едут на передний край, туда, где в трудовой «лхориде будень» люди борются за хлеб лучшего из лучших».

Их вью борются за власть, за Совету. За хлеб тоже надо бороться. Что же, они будут драться за него? Нет, конечно! Они будут драться и драться! А вместе с ним — тысяча и тысяча других парней и девчат во всех уголках нашей страны.

Счастливому вам пути! Где бы ни трудились вы — в степях Украины, на полях Валовской области, в широких просторах Кулунды, — пусть всегда вам сопутствует удача, и лица ваши пусть так же сияют, как и сейчас, как и сегодня, в день отъезда.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО — ПЕРЕДОВОЙ РУБЕЖ В БОРЬБЕ ЗА КОММУНИЗМ!

Фото В. ВОРОНИНА.

Это было в послед-
них числах марта, в
тот день открылась в
Москве 15-я город-
ская конференция
комсомола. На сале
уехала первый отряд
москвичей — три-
дцать человек. На
другой день уехал
второй отряд добро-
вольцев — это чело-
век. И потянулись со-
ставы...

А у вагонов кто-то
суетилась, беспокоил-
ся:

— Берегите цветы!
Смотрите не заморозь-
те там на Востоке,
еще зима. Довезите
весну из Москвы!

Как будто это было
самое главное... А мо-
жно, и правда, самое
главное в жизни — не
заморозить весну?

200 из 19.000.000

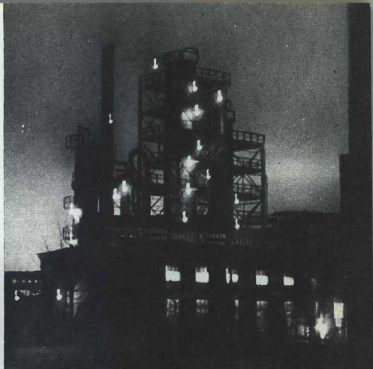

Фото В. МИШИНА.

Н. ВАСИЛЬЕВ

Давно уже ушел на заслуженный отдых Лаврентий Тихонович Логинюк. Но это только говорится: «ушел на отдых». Разве можно забыть родной цех? У старого рабочего всегда найдется повод заглянуть на установку да попользоваться, как там поживают молодые химики, чем собираются они порадовать «старую гвардию».

— Ну, что вы скажете о Салавате?

Таких вопросов встретили нас в Уфе, в своем комсомольском, когда мы выехали туда рано утром, прямо с поездом, увешанные сумками с фотоаппаратурой, немного невыспавшиеся, но в общении довольные. Мы заходили сюда неделю назад, перед тем как отправиться на юг Башкирии, в город нефтяников Салават. Тогда, неделю назад, нам лишь в двух-трех словах обрисовали «внутреннее положение», поставив непременно заглянуть на фабрику катализаторов, где работает Клара Бегильди-

на — девушка, имя которой называли нам и в Москве.

И вот этот вопрос. Конечно, речь шла не просто о Салаватской роде. нас спрашивали о людях, а еще точнее, о комсомольцах двадцатого цеха нефтехимического комбината, того самого цеха, который называют там же фабрику катализаторов и где работает Клара Бегильдина, делегат XIV съезда комсомола.

Что мы скажем о Салавате?

У каждого человека — своя жизнь, своя дорога. Но непременно где-то все эти до-

Так и хочется назвать эту огненную массу потоком металла. Но это — всего лишь жидкое стекло, правда, не совсем обычное: зернал или стальных из него не делают. Жидкий раствор этого стекла, смешанный с серной кислотой, дает катализатор — вещество, не менее ценное для нефтехимиков, чем сталь для машиностроителей.

роги, совмещаясь, сливаются в одну общую, и тогда многие самки гонимы человеческие судьбы как бы сближаются одна с другой. Этим молодым людям, которых вы видите на фотоснимках и с которыми мы хотим познакомиться читателей нашего журнала, объединенно будничные комсомольские дела.

Мы подъезжали к Салавату в тот ранний час, когда на востоке уже начинала проступать алая полоса рассвета. Неторопливый поезд Уфа — Кумертау чуть замедлил ход, когда справа по курсу неожиданно возникла широчайшая россыпь огней. Они алкали в затененную оконную раму, словно в июле, слегка мерцающие, сечные и очень похожие на крупные звезды, которые соприкасались с небосводом на земле.

Это еще был не сам город, хотя он уже не спал и светился впереди сотнями своих огней. Это был комбинат, молодой брат города, с его цехами, фабриками, установками, обозначенными в редящей мгле густыми электрическими пунтирами. К нему уже спешили первые, самые ранние трамваи с рабочими утренней смены.

Такой звездной россыпью открылся нам комбинат, начинающий свой трудовой день — день вполне обычный, но уже не похожий на вчерашний.

А через два часа мы знакомимся с молодыми людьми двенадцатого цеха. Их представляли нам Клара Бегильдина, вождем цеховых комсомольцев, и Тоня Еракторина, оператор с установок коммунистического труда, неутомимая и веселая девушка.

— Мунир Шарифутдинов, — говорила Клара, знакомая нас с коренастым, крепким паренком, оператором участка мощных операций.

А Тоня добавляла: — Самый бесполодный оператор на собраниях.

Молоко доставляют прямо на установку. А вместе с молоком привозят и свежий номер «Известий». А в нем всегда можно найти интересную заметку о комсомольцах.

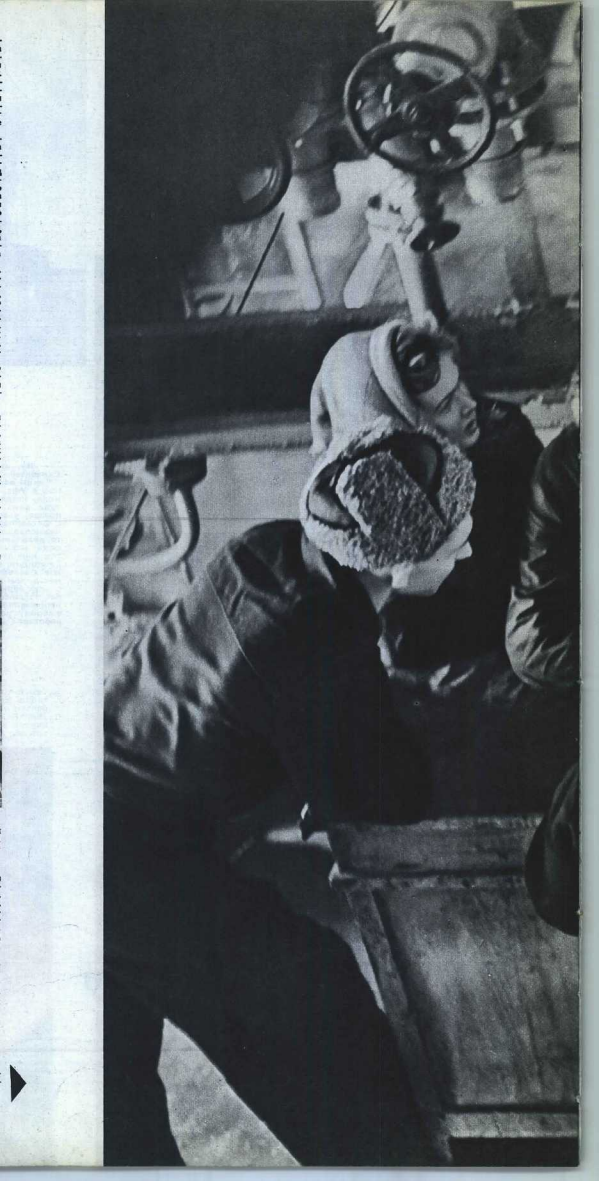
— Фал Медведева... Юрий Фролов, лучший производитель свинины... Гали Климова...

— А вот Таян Иубаева, грузомотор... И Клара Бегильдина вела нас к ситуации улыбающейся девушке в пестрой юбке, из-под которой выманились рывчатые пряди. — Меню прочитай, в ее группе двадцать восьмью комсомольцев, и все учатся.

Комсомольские будни... Можно было бы долго перечислять множество самых разных дел, больших и малых, которыми заняты молодые комсомольцы, но хочется сказать о самом интересном.

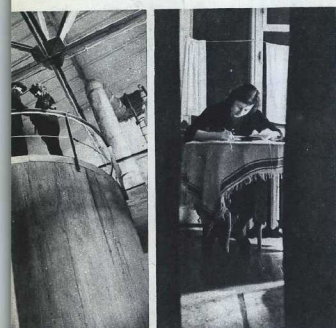
С тех бы мы ни затевали

Окончен рейд. И вот, сгрудившись у стола, комсомольцы оживленно комментируют итоги проверки.

бицной, она вам расскажет, что у них уже сделано.

На двадцатый установочный по преданию рейдовый бригад и постов улучшения конструкции смесителей, на уле подготовили расквара установили концентраторы, изменили схему подачи воздуха в вислостных монжулах...

— Может быть, это звучит несомненно — производчески, — сказала Тая Кувшицкая. — Подумавши, изменили схему подачи воздуха. А для нас, операторов, эта новая схема означала облегчение труда. Теперь уже нет необходимости считать ступенный лестнич, бегая вверх и вниз. При новой схеме все управление оказалось под рукой. А глупо, знаете, что в работе наших бригад и постов появилось творческое начало.

Да, в этом и состояло главное. Комсомольцы перестали

ограничиваться ролью наблюдателей, контролеров. Они становились рационализаторами, хотя и не оформили своих заявок в брига.

Впрочем, едва ли можно удивляться таному вешательству в производстве, почти каждый комсомолец двадцатого цеха — это человек с инициативой, уязвимый шломи, техникума или вуза. Парой нам казалось, что стремление учиться вообще является характером, а не чертой характера, хотя, конечно, это не так и группировки, и члены комитета комсомола, и сами комсомольцы не жалели сил, чтобы доказать иным из молодых рабочих простую истину: отрисованной пользы знаний. Заметим, кстати, что и в двадцатом цехе и на комбинате решили отказать от заявок на молодых

специалистов. Их будут готовить здесь, в Салавате, из числа рабочих, без отрыва будущих инженеров-химиков от производства...

Что мы слышим о Салавате, об этих парнях и девушках из двадцатого цеха, которых вы видите на снимках?

Они не совершили выдающихся подвигов, не сделали пока великих открытий. Но мы уверены: они могут с полным правом званье Ленинские. Их подвиг, их героические дела — это изнурительный труд, непрестанное беспокойство, проявление творческих начал во всех будничных делах.

И девсти салаватских комсомолцев вместе с бесчисленными количеством таких же отрядов, составляющих большую, двадцатипятилетнюю армию комсомола, будут уверенно вести бой на передовых рубежах семилетия, отдавая все свои силы строительству коммунизма.

▲ Аза Шалаганова, которую вы видите надменно с учебником, — одна из трехсот семидесяти молодых химиков, решивших получить диплом инженера, не порывая с комбинатом.

Когда нет под рукой классной доски... Во всяком случае, ни Зина Липунова, ни Гаяз Хамидова, ни Вяль Сергеево не испытывают особых неудобств: три студента вечернего факультета во время перерыва с углублением решают трудное уравнение...

Узнаю производственное со-
щество... А может быть,
«индустриальная лирика»?

разговор о комсомольцах цеха — с пидатором, с членами заводского комитета комсомола или старшими инженерами установочных, — все они прежде всего начинали показывать слова о рейдах.

...Осенью минувшего года в цехе прошло отчетно-выборное комсомольское собрание. Нам обычно, оно не обшлось без острого спора и горячих речей. Впрочем, на сей раз речи ораторов были куда горячее, а споры намного острее, чем когда-то было. Осень была особенной: люди ждали великого события — съезда партии, — и разговор о деле молодого авангарда велся, что называется, по большому счету.

На собрании немало говорили о рейдах и контрольных комсомольских постах, с социальными констатацией их полного успеха. А между тем поля для их деятельности — был огромный катализатор, вытисненный цехом, требует особого внимания, и любая нарушение технологического режима неизбежно приводит к браку продукции. Новый цеховой комитет комсомола, который возглавила Ирада Вегельдина — инженер-химик, хорошо знающая цех и ребят, человек с незаурядной волей и решительным характером, — с того и начал свою работу, что создал во всех смежных постах и рейдовые бригады.

Эти посты и эти рейдовые бригады повели борьбу за качество. В книгах постов стали появляться записки о нарушениях технологической дисциплины, в на установочных — вывешивались «челюнки», извещавшие об итогах рейдов. Рейды, как правило, проводились по номерам. Не каждый рейд заканчивался, как говорится, «скрипящим апором». Кроме того, и члены молодых химиков стоит отметить, что невели от нареканий, пороков — становилось все меньше и меньше.

И тут просто нельзя забыть воспоминание: какса любительские владение постельно и рейдовые бригады и контрольные комсомольские посты начали вторгаться в сферу, еще недавно не входившую в их компетенцию...

— Понимаете, — говорила нам Ирада Вегельдина, — мы стали рассуждать так: следить за технологической дисциплиной — это полдела, надо еще и высунуть указательный палец в самом технологическом процессе, находить несовершенство в оборудовании. Зайдите на двадцатую установку и Таме Кур

РАЗГОВОР ПОКОЛЕНИЙ

Дед мой в старом защитном кителе
За столом, напротив меня,
Говорит о военном Питере,
Где он пробыл четыре дня.

Осень шла, туманная, хмурая,
Словно еж, вся в иголках дождя.
Истекала кровью республика,
Криклом голода исхода.

Дед рассказ продолжает... медленно,
Сам бесхитрый и простой,
В Петрограде он видел
В порывшемся, старом пальто.
Ленина

В Петрограде туманы ночи,
Смольный в белой башле,
Вел Ильич разговор с рабочим,
А рабочим этим был дед.

Дед смотрел на лицо родное,
Загорался от искры глаз,
Окровавленная войною,
Не сдалась Советская власть!

...Нико, люди в долгу у времени,
Не выдвигали вовек войну
Своим звукам рассказ
о Ленине
И о Питере я научу.

Пересказываю рассказы,
Очень медленно, по складам,
Я им ленинские наказы
В слова дедовском передам.

Сразу став серьезной и строгой,
Спросит, взгляда на меня
Сквозняк:
«А какой он?»

«Какой? Хороший!
И, как Родина, вечно
жив!»

Борис ШАХОВСКИЙ

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Притаился, апрель глядит в окошко,
Как Володя

в жизни первый раз,
Не держась за стулья,
Встал не ножен
И шагнул,
За стулья не держась.
Мальчик взглядом комнату измерил
И, шагнув еще,

не устоял.
Снова встал и потянулся к дверям
От ковра и мягких одеял...
Как светлы родительские лица!
Где им знать,
Что это к битвам шаг,
Что под ним не просто половица,
А бегущий к пранунам большак.

Первый день
Великого похода!
Мать-земля,
Мальчонке помоги!
Это ведь, российского народа.
Это наши первые шаги.

«Смена» № 8.

А. ВЕРБИЦКИЙ

Рассказ-быль

Из книги «Ленин в жизни»

И редко кому говорил «ты», даже старинным друзьям по сборочной смене и соратникам по революционной борьбе. Он обращался на «вы» к молодым матросам, юным солдатам и рабочим-подросткам.

И все-таки одному человеку Владимир Ильич говорил «ты». Это был молодой китаец Ли Фу-цин, уроженец Шанхая, перебравшийся в Россию незадолго до первой мировой войны.

В том году много китайцев ушло в другие страны на поиски лучшей доли. Занимались они чем понало, чтобы спать под крышей и не голодать там, как у себя на родине, где есть приходится на каждый день, а жильем служила дымная джонка на загрязненной реке Ухуану.

Чем только не занимался Ли Фу-цин, бродя со старшим братом по российским городам и весням! В Сибирь они топча пожи и лудя самовара, на Украине показывали фокусы и скверны и на базарах, а понав в 1915 году в Петроград, занялся изготовлением деревянных башмаков и красочных бумажных фонариков.

Весной известного года братья Фу-цин заболели сильным тифом и угодили в солдатский лазарет на Охте. Старший вскоре умер, а Ли чудом переборол страшную болезнь и в начале вывез из лазарета, переночевавшего тифомыми и ранеными. В Петрограде было тревожно, голодно, и бумажные фонарики, как и все-ликие фокусы, были никому не нужны. За кусок хлеба приходилось драться, увещивать и обманывать. Несмотря на пугающую худобу и слабость, Ли удавалось кое-что зарабатывать на воскресья, а спал он в запущенной беседе Литейного суда.

В революционные дни он примкнул к воинской четке и получил данную, пробную ухули шивель и винтовку. Началась новая эра в китижкой жизни Ли Фу-цина; голова кружилась от матчиков, пистолетов, стрельбы и рывтедлов в грузовниках. По ночам командир учил его и еще нескольких китайских первой русской грамоте и разъяснял, за что дерутся большевики. Зарес Ли впервые услышал имя Ленина и воображал его одним из сказочных, неземных существ, о которых он слышал в детстве в Шанхайском порту.

В январе 1918 года 20-летний Ли устроился в разнорабочие Белогвардейского отряда и показал себя смелым и находчивым бойцом. Его перевели в охрану Смольного.

В одну из выжженных зимних ночей к стовещему у ворот Ли текло подползало неподвижное тело в черном пальто и изношенном к что-то спросил. Ли отскочил назад и поднял винтовку.

— Ты кто? Стрелять буду!

Человек в пальто рассмеялся и спокойно сказа:

— За что же в меня стрелять? Я не собираюсь взрывать Смольный!

— Назад! Ты кто?

— Я Ленин. Решва поднимать воздухом, а вы стрелять в меня хотите.

— Ленин! Какой Ленин?

— Ну, как вам сказать?... Председатель Совнарком!

Не опуская винтовки, Ли всматривался в лицо незнакомого и не знал, как ему быть. Быстро подошел командит Смольного, что-то шепнул на ухо Ли и обратился к Ленину:

— Изначито, Владимир Ильич, это наш новый краснопоредец, он не видел вас.

— Так и видно, что попятчик. Чуть не уложил меня на месте. Впрочем, виноват не он, а я... — Он обратился к бойцу: — Как вас зовут, товарири?

— Ли Фу-цин, товарири Ленин.

— Китаец? Так, так... Ну, всего доброго!

А вскоре в колонной Фельдшерский вечер 1918 года из Питера в Москву отозвал поезда, груженный хлебом, архивами. Сидели в нем и вооруженные краснопорецями. В одной из теплушек находились Ли Фу-цин, Витковск, солдатский медик и свекла книг — вот и все имущество молодого китаца, навсегда покидавшего Петроград.

Это была «интернациональная» теплушка; здесь самывался говор на разных языках: английским и русским, эстонским и татарском. Ли был знаком далеко не со всеми попутчиками, но хорошо знал, что эти вооруженные парии будут, как и он, охранять Кремль, куда скоро переберекуют правительство и Ленин.

В Москве было теплее и тише, чем в Петрограде, хотя город показался Ли менее уютным. Но Кремль с его дворцами, храмами и башнями ему понравился. В некоторых домиках Кремля еще жили какие-то люди в драных иль одеждках, а вокруг монастыри дни и ночи спали монахи. Они бойко торговали и всечески батанлись завести дружбу с бойцами.

В конце марта Ли увидел Ленина, шедшего по кремлевскому двору с группой военных. Вперед шел командит — матрос с огромным маузером у пояса и давал объяснения. Проходя мимо Ли, Владимир Ильич остановился и приветливо крякнул:

— Здравствуйте, товарири! Мы с вами, как жесться, знакомы!

— Здравствуйте, товарири Ленин! Ниль-ху!

— Ниль-ху! — отвелся Ильич и протянул китяку руку. — Верно я прозвонил: Ниль-ху!

— Очень верно, товарири Ленин! Так точно!

С тех пор Ленин и Ли Фу-цзи при встрече обменивались приветствиями.

— Нын-хуа, товарищ Ленин!

— Нинь-хуа, товарищ Ли!

Позднее осенью, через два месяца после посещения им Маньчжурии, Ли Фу-цзи посетил в личную охрану Ленина и сопроводил его поездами. Владимир Ильич иногда заходил с китайцем разговор о его роднине, о Шанхае и земляках.

— А не токуются ты, Ли, по родственникам и братьям? Хотел бы ты снова очутиться на реке Хуанху?

— По своим людям скажу, товарищ Ленин, ну по Хуанху — не-не! Пахло там! Надо иметь порядок, ильшэй Хуанху — очень плохой!

— Правильно, — соглашался Владимир Ильич, — порядок надо ввести. И вскоре. Собирайся же, товарищ Ли, в Москву. Ты же бывал на охоте в лесах Подмосковья или на берегах Оки. Владимир Ильич обращался к Ли Фу-цзи:

— Послушай, Ли, а как будет по-китайски

сказать: Переведите на фразу: «Мы идем по лесу и слышим дым». Ну-ка!

И Ли Фу-цзи переводил. Ленин старательно повторял, стараясь запоминать слова.

— В молодости, — говорила Ленин, — и когда-то мечтаю изучить китайский язык и даже жить в Париже, начинала было. Дескток неграмотно изучил и бросил: не хватало времени и терпения. Но я еще вернусь к китайскому! Очень любил Ленин слушать китайские песни, исполняемые Ли Фу-цзином. Песни были простыми и полные диссонансов, но трогательные, мелодичные и рождали картинные далекого жаркого Шанхая с его тесными улицами, бурлящим реками и уютными лавками, богатыми по мостовой. Сидя на траве и прикрыв глаза, Владимир Ильич сосредоточенно слушал, и мыслями его были далеко-далеко...

Как-то раз, сидя в лодке, Владимир Ильич обратился к Ли Фу-цзи:

— Верно это, Ли, что ты в свое время показывал фокусы и этим забавляешь себе людей. Ли skuteчно молчал, словно его пытались изоблечь в чем-то дурном.

— Что ты молчишь, Ли! — всеюду допытывался Ленин. — Ничего зазорного в том нет, что ты этим занимаешься. А фокусы я очень люблю! Я видел фокусников, чьи трюки можно назвать настоящим искусством.

Тогда же Владимир Ильич спросил:

— Показать вам один фокус, Владимир Ильич?

— Хоть десятки! Посмотрю с удовольствием! Ли вытаскивал из кармана тонкие платки, помахал им и скоком. А когда развернул, из него посыпались медные монеты. Затем Ли приблизился к Ленину и принахлос вытаскивать из его карманов, рукавов и из-под кепки орлянки и бумажки.

Владимир Ильич хохотал и разводил руками:

— Не пойму! Не пойму! Ведь это — эсперанто без подготовки и так здорово! Молодчина, Ли!

Одни только раз Ли Фу-цзи обратилось к Владимиру Ильичу с просьбой, и то по поручению товарищей.

— Имело к вам большую просьбу, Владимир Ильич.

— Просьбу? Пожалуйста, Ли, говорю. В чем дело?

— Выдайте нам, пожалуйста, сапоги, но ужас какие большие! Горомадьей Ребята выскрывают из них. Посмотрите, Владимир Ильич!

Ленин посмотрел на гигантские сапоги и рассмеялся.

— Выскрывают, говорю! Кто же это выдал вам такие? Хорошо, я помогу вам, — и написал записку управляющему делами Совнаркома.

Летом 1921 года до Ли Фу-цзиного долган сапожи, что на его роднине начались бурные революционные волнения и по улицам Шанхая и Пекина с утра до ночи ходят колонны демонстрантов. В Китае назревала революция. Пороховая бочка могла взорваться в любую минуту. Нужны были люди, горючие и самоотверженные. Первого июля в Шанхае открылся первый съезд китайских коммунистов.

Ли Фу-цзи несколько дней искал случая поехать Ленину и в один из вечеров столкнулся с ним лицом к лицу.

— Владимир Ильич...

— Слушай тебя, Ли. Вижу, ты зловольно. Что случилось?

— В Китае революция...

— Революция пока еще нет, но безусловно, назревает. Что же?

— Очень хочу в Шанхай. Помогите, Владимир Ильич!

И впервые Ленин увидел на глазах молодого китайца слезы. Ильич пристально посмотрел на Ли, задумался на минуту и протянул ему руку.

— Хорошо, Ли, и попробуй помочь тебе. Думаю, уместно переправить тебя в Китай.

— Спасибо, Владимир Ильич! — И Ли равнялся к руке Ленина, чтобы ее поцеловать. Но Ленин отнял руку и погрозил пальцем.

Осенью того же года Ли Фу-цзи уже шагнул по улицам Шанхая во главе отряда, выступавшего на митингах и в своих речах часто упоминавшего имя великого Ленина. А в 1923 году, когда Владимир Ильич был прикован к постели и врачи запретили ему читать и даже разговаривать, Надежда Константиновна Крупская решила сообщить ему, что пришло письмо от Ли из Шанхая.

— Неужели от Ли! — удивился Владимир Ильич и поднял голову. — Прочти мне, Надя.

И Надежда Константиновна прочла короткое, но горячее письмо китайского коммуниста, в котором бывший кризисовард писал о событиях в Китае, о предстоящей революции и о том, что на его роднине все знают и любят Ленина.

Владимир Ильич попросил ответить Ли и передать привет китайским друзьям.

— Пролетарии всего мира, Москва праздновала 40-летие Великой Октябрь. На торжестве триехал китайские коммунисты. Среди них выделялся высокий худощавый человек с седой челкой с орденами на груди. Это был Ли Фу-цзи.

Гуляя как-то утром по двору Кремля, Ли Фу-цзи остановился у одного из скамеек, между двумя деревьями и тихо сказал:

— На этом скамье я однажды сидел рядом с Лениным...

Товарищ сидел свои черные кеги и на несколько секунд заглаживал дышанье.

«СПУТНИКИ» ВЕЛИКОЙ ЖИЗНИ

Каждый день в просторные залы Ленинского музея приходит тысячи людей. Их интересуют все, что связано с жизнью Ильича: документы, вещи и предметы, исторически им пользовались, лодки, которые приписались Ильичу трудящимися разных стран. Многие могут рассказать интересные вещи, хранят эти экспонаты. Вместе с тем вещи и предметы, окружающие вождя, знают еще и немало загадок. Вот «хрустальный письменный прибор: спичечница, перьевница, чернильница, подставка, накладка. Это подарок Ленину. Дата — 1920 года. Изготовлен этот оригинальный прибор, что предание, по какому случаю? Работникам музея установить это пока не удалось...

А вот плащ Дзержинского. Как попал он в Ленинский музей? Известно, этот плащ надел Ленин, уходя с инспективного заседания ЦК РСФРП 10 (23) октября 1917 года. Видимо, был дождь, и Дзержинский наряд Ильича своим непромокаемым плащом.

Жительница Ленинграда Л. П. Парвильева через Надежду Константиновну Крупскую передала музею этот плащ. А как попал он к ней? Имяе людей и события стоят за этим, на первый взгляд, незначительным фактом.

Обыкновенная армейская шинель — суконная, защитного цвета, с красными петлицами — на воротнике, с застежками из яркого сукна, с двумя нагрудными карманами. Тут же красновоздушный шлем. В документах значится: подаренный Красновоздушный. Часть неизвестна. Кто носил эту шинель? Мовет быть, она принадлежала герою гражданской войны, погибшему в боях за Родину? А мовет быть, у этого подарка совсем другая история?

Генерал париж. Появился сам Ленин в сентябре — октябре 1917 года, тогда срынулся от преследования Временного правительства. А как париж попал в музей, неизвестно...

Рядом с экспонатами, изученными и взятыми на вооружение истории,

лежат предметы, о которых мы почти ничего не знаем. Известно только, что в разное время они были у Ленина. И все...

Так же, как памятные вещию, выносившую эпоху, за предметами стоят люди, события, факты. И нет благородней дела, чем открыть людям новое о Ленине. Кому, как не молодежи, сделать это? И, мовет быть, именно, что сегодня занимает срочное место «на музейной тропе», завтра откроеет нам то, что станет достоянием всего человечества.

С. МАРИС

Б.Л.
1962

ЗВЕЗДЫ

А. М. КОЛЛОНТАЙ

Рисунок Б. ЛЕБЕДЕВА.

«Звезды» — это страничка из воспоминаний Александры Михайловны Коллонтай, известного деятеля русского революционного движения (1872—1932).

Описанный факт относится к тому времени, когда по поручению большевистской военной организации, являясь членом Исполкома Петроградского Совета, А. М. Коллонтай вел агитацию среди матросов Балтийского флота.

Печатается впервые

Январь 1918 года. Сумерки. Смольный в огнях светится. И за окнами жинки шумит и кипит по-обычному. На лестнице встречаются матросов с наганами, краснорубашечки, которые извольновано что-то обсуждают и спешат. На широкой лестнице Смольного, как всегда, накурено и сперты, тяжелый воздух. Пулеметы и ящики с военными снаряжениями.

На вечер казенно совещание Совнаркома. Но я нарочно пришла пораньше, чтобы застать Якова Михайловича Свердлова. Пришла я настолько рано, что иду прямо в кабинет Ленина и, уверяющая, что там никого нет, не постучавшись, отворю дверь.

В комнате темно, но я могу различить у окна стоящего человека и по сплугу, вырисо-

вывающемуся на фоне ясного зимнего неба, узнаю, что это Владимир Ильич. Я замараю от неожиданности и неловкости, что ворвалась, не постучав.

Владимир Ильич стоит неподвижно, спиной к дверям. Он смотрит в окно, высоко подняв голову, очевидно, глядит на небо. А небо зимнее, светлое и очень звездное. Я боюсь пошевелиться. В комнате тихо-тихо...

Неожиданно голос Владимира Ильича прерывает тишину:

— Звезды, — говорит он. — Какие звезды сегодня! Очевидно, мороз покрепчал. И вы тут, повернувшись в мою сторону, спрашивает:

— А вы когда-нибудь смотрите на звездное небо?

Мой ответ:

— Когда бываю на океане или в деревне. — На океане? Ах, да, ведь вы были в Америке! А я в ранней юности очень хорошо знала все созвездия, теперь начинаю забывать. Некогда... Вы, собственно, к кому, ко мне?

Я отвечаю, что к Якову Михайловичу.

— Да, он обещал прийти пораньше.

Я выхожу из кабинета и сталкиваюсь с комиссаром флота Измайловым. По выражению его лица сразу понимаю, что случилось, что-то очень серьезное. От товарищей, стоявших в соседней комнате, узнаю о том, что матросы устроили самосуд над двумя эсерами*.

* Речь идет о факте расправы группы анархически настроенных матросов над двумя бывшими членами Государственной думы (Гриш, Ред).

Я поспешила обратно в кабинет Ленина. Никогда я еще не видела Владимира Ильича таким возбужденным и рассерженным. Всегда бледное его лицо побогрело, и в голосе звучали непривычно грозные ноты. Высокий, плечистый матрос, комиссар Балтфлота Измайлов, показавшись мне вдруг маленьким, растерянным и испуганным.

— Самосуд! — говорил Владимир Ильич. — Мы не потерим этого. И виновных предадим законному народному суду. Скажите вашему Балтфлоту: то, что вынужден был терпеть Керенский, того не потерпит власть рабочих и крестьян. Наше государство народное, а народ требует законности и справедливости. Можете идти.

И затем, повернувшись ко мне, Владимир Ильич уже другим тоном, но очень внушительно и серьезно добавил:

— Советую вам, товарищ Коллонтай, сейчас же поехать к вашим друзьям-балтфлотцам и разъяснить им, что Советская власть не терпит анархии. И пусть они бросят свои самостийные штучки. Мы их за это во всяком не погладим. Нет, Анархия мы не потерим!

Можно себе представить, с каким чувством я поехала в Наркомат флота.

Когда я вернулась в Смольный, Владимир Ильич был совершенно спокоен и выдержан, как всегда. Лицо его было бледно, а глаза даже улыбались, когда он, повернувшись ко мне, сказал:

— Вот вам и гляди на звезды!

ГОЛОСИ

Василий РОСЛЯКОВ

Фото Г. ДУБИНСКОГО.

Я приехал в Братск и сразу вспомнил этого скитника. Пять лет назад, впервые увидев Сибирь, я был захлестнут врасплох его богатейшей красотой. Вечером, отяжелев от впечатлений, сидел в деревянном домике Зеленого городка, слушал через открытое окно низкий и влажный шум Падуну и комул от новой Сибири.

Он не вошел, а как-то завалялся в домик, грустный и весь белый от пыли. Медвежатова оглядел с боку, черты лица и, забавно позорившись, обрушил на меня поток слез.

— Четыре часа прождал автобуса! Га! — грелом он басом. — Куда же это годится! Та шо ж я сам не был на стройке? Был сам. Ну, трудно, ну, чего нельзя, того нельзя, жилье и так далеко. Но неужели ж нельзя дать такой стройке дескток автобуса? Можно. А возьмите кино. Попадите туда! Черта с два! Где, я спрашиваю, молодежи досуг проводят? Негде. Та склеите из двух фанеры во такю, напелите экран — и можно же все лето кино глядеть... Не, болтаю думе много, а делают думе мало. Вони думают в шестьдесят втором, напелите экран — и можно же все лето кино глядеть. Шо ж я не вижу... Не дадут!

Все это он выговорил одним духом. Потом сразу оборвал свою речь, махнув рукой. Хотя настроение мое никак не вразлос с тем, что говорил скитник, я согласился выйти с ним во двор, чтобы сбросить с него пыль.

Внизу, в деревянных домах, и наверху, в «пластических гнездах», звенял, гремел огни. Развалившись над темной хребтиной Пурсе, дремала Большая Медведица. Снизу напалыва глухой, властно берущий за душу гул.

— Ночь, а стройка шумит, — сказал я скитнику.

— Та камаж ж то стройка? Это Падун шумит. И долго же буде шуметь. Не! В шестьдесят втором не дадут!

Хотел бы я заглянуть сейчас в те медвежатные глаза!

В первый год стройки всякого понашего сюда человек порана-

ли своей угрюмой монументальностью диабазовые скалы — Пурсей и Журавлиная гора. Скалы и Падун! Это зачерывало и пугало своей угрюбой силой. Всею ночью я слушаю тяжкий шум Падуну, а сейчас над ним тихо. Сейчас разлился здесь широкий озерный плес, затанцовал перед закатом фиолетовой дымкой. Теперь я растерянно гляжу с нижней перемычки, с северной реки, на многогорушную, стоканую из металла и бетона плотину. Перекрывает Ангару, она занела полнеба. А там, уже в самых небесах, парят поднебесные птицы, консольные краны.

Я даже подождал для удобства всю жизнь плотины на три горизонта.

Первый горизонт — это работа в машинном зале. Сейчас здесь возводат каркас здания ГЭС и одновременно монтируют агрегаты. Над всем этим, чуть отодвинутый назад, проходит второй горизонт: малая бетонозванная эстакада, по которой снуют самосвалы с бетоном, грузошки с арматурой и на которой стоят, вытнувшись журавлиные шеи, порталные краны. Потом пропуская один горизонт — по нему день и ночь мнут поезда Тайшет — Лена и обратно. Это как бы внешняя жизнь плотины. Выше этого, не заситенной мной горизонта, на стометровой вышине, — третий горизонт — большая бетонозванная эстакада. Здесь тоже машины с бетоном и арматурой, а также широченные, на всю эстакаду, подрамные пути. И над всем этим, над всем белым светом, царят пять небесных гигантов, пять двухкопальных кранов.

На четвертый день я уже настолько освоился и так осмыслил, что начал подумывать: а не забраться ли мне в конце концов туда, в тем поднебесным птицам. Вдохновленный таким отчаянным намерением, я начал, однако же, с первого горизонта. И не только потому, что добираться туда было проще простого. Суть в том, что здесь, на первом горизонте, происходит, как я понимаю, самое главное таинство. Здесь собирают сердце асуд этого чуда. И не одно. Их будет двадцать сердец. Ко-

гда они будут собраны, тогда этот немой ток великому загоревшийся Ангару и подпиранный спиной своей целое море, оживет. Забьются все двадцать его сердец, и жизнь пойдет от них на тысячи километров, по хоженым и нехоженым дорогам Сибири.

Вот собирают рабочие колесо турбины, а вот ротор генератора. На этот ротор надо лезть по железной лестнице. Весит он 654 тонны. Все это на бетонной площадке, на том месте, где будет когда-нибудь работать всякая крайняя, двадцатый агрегат. Чуть левее, в глубине девятнадцатого блока, собирается статор — колесо весом в 400 тонн. Еще левее, в восемнадцатом, идет сборка спиральной камеры — гнгантской стальной ултки, по которой будет разогнаться толстенный жгут воды, чтобы потом удариť в рабоче колесо и завертеть его с бешеной скоростью. Могучие роботы — мостовые краны — бережно перенесут и опустят сюда смонтированные детали по полтысячи тонн весом.

Как же это за люди, которые собирают эти детали, а из этих деталей хотят сложить в каждом из двадцати кранов? по половине Днепрогэс! Ну, хотя бы вот эти двое...

В первый раз я увидел их тоже вместе, вдвоем. Они остановились на полутьги к чему-то, у железных перилцев, и буднично, озабоченно, раздумчиво о чем-то разговаривали. Один — в серой замасленной кепочке, не носу очки в металлической оправе, чисто индустриальные очки. Он прораб монтажника, руководит монтажом этих агрегатов. Как агрегат — так половина Днепрогэс! Зовут его Владимир Кошкин. Он почти незаметно стареет быть совершенно равнодушным и безразличным к корреспонденту, то есть ко мне. Его худющий собеседник — тоже прораб, даже старший прораб — Юра (Юрий Михайлович) Иношин. Юноше лицо его с припухшими губами серьезно, сосредоточенно, а в серых глазах я вижу смущение, нежелание быть на виду.

Юрий и Володя, как все монтажники вообще, одеты в темные

спецовки, лапзунье маслом и металлом.

Сначала оба они по очереди отвечали на мои вопросы, поглядывая по сторонам и не выключая из тех забот, какими были заняты минуту назад. Потом как-то незаметно выпал из разговора Юра: спохватившись о чем-то аварийно срочном, он исчез. И мы остались с Володей Кошкиным. Говорил он скупо, с достоинством, а когда речь заходила не о старорах и не о роторах, но о нем самом, он обращал ко мне удивленное лицо и спрашивал:

— А что, и на это надо отвечать? Володя был человеком очень деликатным. Он выслушал мои назидательные советы и разговаривал сам. Разговаривал потому, что не хотел оставлять меня наивным, не хотел, чтобы я легкомысленно считал: раз великая стройка — значит, все здесь идет как по маслу. Он стал приобщать меня к жизни, обучать ее логике. Он так и говорил:

— Что же вы хотите? Жизнь! Логика жизни!

Это он говорил мне по поводу «малого бетона и большого» бетона. «Большой» бетон — это плетина, ее основная масса. «Малый» бетон — это всевозможные вспомогательные работы. Колонны, на которые укладываются подкрановые пути, — это «малый» бетон. Для бетонщиков он невыгоден: на нем не дашь план. А без этих колонн не могут подойти к восемнадцатому крану массивные краны, чтобы опустить туда смонтированные детали агрегата. Опоздают с колоннами — значит опоздают с монтажом агрегата.

Мы подошли к восемнадцатому крану, где варили спиральную камеру.

— В сварных деталях, — сказал Володя, — до девяноста процентов брака.

— Не может этого быть! Вместо возражения он синхронительно улыбулся.

— На заводе есть же ОТК...

— ОТК свой и брак свой, а план давят надо. Логика жизни!

— Странная логика, — сказал я. — А нельзя ли этой логике шее свернуть!

Хозяин «поднебесной птицы» — козлы — Николай Мылков.

Владимир Кошкин, прораб монтажников

Старший прораб Юрий Иношин.

— Вот и давайте. Маловато вы занимаетесь этим, журналисты и литераторы!

Он говорил о путанице в нормировании труда, о неурядице быта и о многом другом. Заметно, что молодой прораб как бы даже гордится тем, что вот у них, на такой стройке, и не все ладно, что и им приходится, как всем серьезным людям, бороться с трудностями, преодолевать что-то и вообще иметь дело с настоящей, невдуманной жизнью, с ее сложностями и парадоксами.

— Но зато уж... Володя Кошкин окинул окошками уходящую высь платины, — зато уж после Братска можно ехать на любую стройку мира. Такой школы нет нигде... Ну извините, — он отступил на шаг, — извините, мне некогда... Неважно пятак и раскланиваюсь, Володя Кошкин исчез за ближайшей колонной.

На другой день за свое смелое мне не удалось поговорить ни с Володиным, ни с Юрием. Что-то у них не радилось, над чем-то они ломали свои юные головы. Вот они сидят в напряженных позах на старом кольце, следят за работой слесаря. Тот набирает медный хомут на медные шпильки. Хомут поедается туго — это заметно по страдальческому лицу прорабов. Потом прохлывший хомут рвется. Старший прораб Иношин рукавом слезовика смывает со лба пот. Кошкин зачем-то протирает толстые стекла очков. Потом они уходят куда-то, снова появляются на площадке, и вид у них по-прежнему страшно озабоченный. Что-то у них не получается...

Концу смены я спускаюсь по деревянной лестнице на оперный этаж, в прорабскую. Отдельно от всех сидят там мои прорабы. Володя сидит за столом на опрокинутом ящике и что-то пишет, поминутно доставая из кармана специалку логарифмическую линейку, заглядывая в нее и в глаза Иношину, бормочет что-то и пишет.

Юра сидит на уголке стога. Он отвечает на всевозможные бросаемые Володи вопросы, называет какие-то цифры, коэффициенты, задумывается, похрапывает, следит за пишанкой и вычленилными Кошкина.

Эти чертвы кому-то рвутся, а что делать, они еще не придумали.

Я поздравляю. Они взглянули на меня одинаково отсутствующими глазами и не ответили...

Тогда им не до меня, я решил все-таки побывать там, на третьем горизонте. Наутро, чуть свет, я поднялся на большую эстакаду. Там, на небесной высоте, идет своя жизнь. Скутот гигантские «АМЗы» с тягловыми кузовами, там своя прорабская и даже напротив прорабской торговая точка с газированной водой. «Логика жизни!» — подумал я словами Володи Кошкина, но второй раз восходить туда не захотелось. Не для всякого человека высота есть благо...

Парень, сидевший в кабине двухкозельного крана за рычагами, сказал, что старший машинист Мылков сейчас наверху, в машинном отделении. Это еще выше, опять по железным прутьям. Высота, на которой я находился, была для меня, по-видимому, критической... Тогда парень начал вполголоса, что-то шепеляво, и он сказал:

— Николай, тебя спрашивают. По лестнице спустился крепко сбивый крупноплечий парень в кепке — Николай Мылков, старший машинист двухкозельного крана.

Пока мы разговаривали, туман понемногу рассасывался, и вот уже стал виден не только весь хребет платины, но и далеко внизу, в блоке, куда опускался с бетоном двадцатидвухтонный ковш крана, стали видны крошечные фигурки. Одна из них сигналяла паренюку, сидящему здесь, красным флажком. Это Шура Еранская, оператор смены Николая Мылкова. За рычагами сидел машинист Толя Корюношин. В машинном отделении, куда я не стал подниматься, находился еще один человек, машинист-электрик Толя Едоминсов. Вот и вся смена.

Здесь, как и внизу, меня поразило опять то же самое. Вот он стоит на самом хребте, на двух рельсах, во всю ширину платины, огромный, с двумя выброшенными в стороны стрелами, по пятнадцати метров каждая, с двумя кабинками, машинным отделением в виде парящего в небе вагона. И всей этой

машиницей управляют мальчишки! Правда, Коля Мылков — кракхотный волжанин, накануне XXII съезда принятый в партию по рекомендации комсомола, — он совсем не похож на мальчишку. Но ведь и Мылков, как и его товарищи, родился в сорочковом году. И когда пришла с войны похоронная, он еще не очень понимал горе. Соседям головы его по голове с причитаниями: «Бедная, сироткина, папку-то убил...» — а он вырвался из жалостливых рук и с вызовом говорил: «А может, мой папа сто фашистов убил...»

Без отца Николаю пришлось еще подростком уйти на завод. Окончил вечернюю школу, потом решил учиться. Уехал в Хабаровск. Три года проработал крановщиком в порту. Потом душа запросила простора и привела его на Братскую ГЭС. Сначала комсомольско-молодежный экипаж портового крана на малой эстакаде, а теперь вот стал хозяином этого двухкозельного великана, у которого машинного отдела нет, и все-таки, потому что окончился смена и уже заступили другие ребята.

— Красавица! — сказал Николай о кранах. — Сильнейшие в мире!

Было известно, что он влюблен в этих поднебесных птиц, и в свою платину, и в свою высотную работу. И тогда я спросил, знает ли он, что под ним, на малой эстакаде, работают люди, которым не нравится вся эта красота с двухкозельными великанами. Они хотят сбросить их с платины.

— Вы о поточном бетонировании! Слыхал об этом...

— Ну и что?

— Как и все, я только рад буду. А работа для нас найдется.

На малой эстакаде, на опытных участках, работает группа москвичей из института «Оргнестрой».

С одним из них, молодым инженером Матвеевым, я познакомился случайно, в кузове полного грузовика. В тот же день вечером в номере гостиницы он уже чертил в моем блокноте свои сказы и рассказывал о новом методе укладки бетона. В настоящее время на всех стройках мира, в том числе и здесь, в Братске, бетон в платину идет так: завод — само-

свал — эстакада — ковш крана и, наконец, — блок, где уплотняют бетон с помощью ручных вибраторов. По новому методу бетон будет поступать прямо с завода по автоматической ленточной галерее в блок. Автоматическая непрерывно-поточная укладка бетона!

Это называется еще так: метод беззаставочного возведения платин в суровых сибирских условиях.

Виктор Матвеев, светловолосый и вроде тихий такой парень, все чертил в моем блокноте, писал разные цифры, растолковывал чертежики, а я слышал в тихом голосе этого совсем еще молодого инженера дерзость и вызов. Хороший вызов и хорошую дерзость!

Гигантскую платину Братска, которая всех нас приводит в трепет, которую многие зарубежные гости называют чудом, он, этот светловолосый инженер, тихонько перечеркнул и как бы даже забраловал. Эти краны-великаны долои! Эти эстакады долои! Эти гигантские бетоновозы долои! Дальше, мол, так строить не буди!

На эстакаде Братской ГЭС, говорит он, пошло около 30 тысяч тонн металла. А беззаставочный способ потребует только 10 тысяч тонн. 20 тысяч можно вернуть стране на другие нужды. И вообще по новому способу строительство такой платины, как Братская, может обойтись на 58 процентов дешевле. И качество бетона лучше. Меньше трещин...

Я хожу и все восхищаюсь этой платиной. А он уже тихонько все перечеркнул, вместе со своими товарищами из «Оргнестроя» он уже швыряет здесь новую, затравленную технологию, австралийский метод, который уже сегодня решено строить Красноярскую ГЭС.

Очень это умно и здорово, очень по-нашему! Братская ГЭС рождает Красноярскую, в сегодняшнем методе рождается затравщик, в недрах сегодняшнего дня рождается день затравщик. «Логика жизни!» — хочется сказать словами Володи Кошкина.

В последний день перед отъездом я снова встретился со своими прорабами. Они сидели в столовке, сдвинув на сторону пустые та-

рабки, что-то замеряли паллацим на морской вилке. Лица у них были веселые. Наверное, все окончилось у них победой.

Вот они выходят из столовки. Тут тебе эта плотина в долине, с двух сторон под ней чернеют дикаобразные скалы, пыльная, ослепительно белая от солнца дорога через всю переменуку, косматая Ангара, а там и там, на сотни и тысячи верст вокруг — тага. А из деревянной столовки в желтый полдень выходят два парня, один высокий, другой пониже ростом, выходят доволниво всем этим делом. И мне захотелось застичи, врасплох эту секунду нашей эпохи, и я навел на них объектив фотоаппарата.

Куда девались и всякая расслабленность и небрежность в походе славно поработавших людей! Они вскинули головы, затоптались на месте, переглядывались и смущались. Но я беспощадно щелкнул затвором, и миг эпохи, застичи навсегда, остался на моей пленке.

А что? Разве не миг?

Вот Юра Иношин шурит сейчас от солнца, в его уменьшенных от света лучах микроскопически отразилась огромная Сибирь — кипища Ангара, берега, небо, плотина и крапи. А несколько дней тому назад в тех же лучах отражались Египет и сказочная Индия. Дело в том, что только что закончивший отпуск свой Юра проврал с женой в путешествие по странам Азии и Африки. А еще раньше, еще мальчишкой, жил в Ленинграде, учился там в Политехническом институте, потом работал на монтаже Усть-Каменогорской ГЭС, потом был на Бухтарме, а сейчас вот выходит из столовки перед плотинкой Братской ГЭС. Рядом с ним в такой же сплещенке отражает солнце стеклами очков Володя Кошкин. Володя сам с Вятки, с берегов вятского притока Пижмы. Учился в Московском энергетическом. Мониторил Павловскую ГЭС на реке Уфе, монтировал Иркутскую на Ангаре, а теперь вот стоит рядом с Иношиным перед Братской. Студенты собираются в Болгарии, письма получает от брата с Мурманского тралового флота. Жена его из Иркутска, Андрейка родилась в Братске.

Отец Юры, Герой Социалистического Труда Иношин, возглавляет строительство Бухтарминской ГЭС. Отец Володи Кошкина, учитель из Букария, погиб в великой битве на Волге.

Президент и глава правительства Республики Ганна доктор Кванма Икура, признавшаяся в юда прошлым летом, сказала, что после запуска человека в космос, связующего беспримирным подвигом, сооружении Братской ГЭС — величайшее дело человеческих рук.

И когда я смотрю на фотографию этих двух парней, я вижу все вместе: и микроскопически отраженную в лучах огромную Сибирь, и Копю Мыльников с его крапом и его комсомольским экипажем, и Виктора Матвеева с его работой над заграничным днем, и тысчи тех, кого я не знаю по имени на этой стройке. В голове моей на одно мгновение сходится Ангара и Волга — родина Коли Мыльков, берега, на котором покоронен стац Володя Кошкин, далекая Вятка и стройки на Иртыше и на других реках. Я смотрю на этих двух парней у подножия величайшего дела человеческих рук, и думаю, что это и есть миг эпохи.

Москвавич в

Главы из репортажа в стихах

Рисунки О. ВУКОЛОВА.

В поезде

...А мне
У окна
На вагонном диване
Казаюсь:
У дома, в Советском Союзе.
Вонгур — никакая не Пенсильвания.
Все скалы да зелень — типичная Грузия!
Да тут и колеса вонгурю знакомо:
Как будто бы дома!
Как будто бы дома!
Сверкнула река
Поворювою лаковой.
Огайо — Ога,
Почти одинаково...
Дорожные люди в вагоне сидели
Ождежд от наших не боцати отличим.
Храпели, читали, бочтали и ели.
Бы только язык для жана непорывичим.
Сказав по-английски полупучим:

— Зарасте! —

Девонка и палаше пристала
С пристрастием:
— А разве же солнце по небу летает?
Родители, в газетных листах утопая,
Зачуено стоиет
Протяжени ответ:
«OI Hoy!»
Вместо краткого русского «нет».
А солнце светливо
То слева, то справа...
И в халад ридан шальной овава:
Три парня спортивчим,
Девича с косичкой.
Все пели,
Ну точно у нас, в элетричка.
А снизу колеса чеканят знакомо:
Как будто бы дома!
Как будто бы дома!
Как будто бы дома, в Советском Союзе!
Вот так и приехали мы в Сиракузы.

В вагон,
Не спеша, поднимаются двое.
По виду — бандистского фильма герон.
Залопанным шипья, дымятся сигары.
Услыся они дружелюбно парои:
И, как по команде, поддернули брючки,
Иначе не могут: их держит... наручник!

Наврали колеса:
Я вовек не дома!
Один из них цепью прикован
К другому!
Соседа спросия я:
— Зачем он прикован?
— Тот мистер, что с краю,
Уэль Арестован...
Который тут шамши,
Который бандист?
Пойди, разберись, — одинаковый вид.
Кондуктор пришел и вполне деловито
Проверия билет детектива с бандистом.
И нет никакого вонгур
Удвеляния.
Лишь папа дочурку убрал на колени...

Винку громыхала колесная гонка,
Чеканя слова незнакомого текста.
Вошла пассажирка
С кудрявым ребенком
И села к окну на свободное место.
Палаша, забрав задремашую дочь,
Поднялся и быстро направился прочь,
На новую спутницу
Сыщик с бандистом,
Сигары не бросив, смотрели сердито,
Затхли три парня...
В молчаньи звонком.
На черную жевицину
С черными рабонком
Уставились белье с разных сторон.
Вошел контролер в этот тихий вагон.
Он встал перед нею и выбросил резкою:
— Ты слышишь? Здесь зането!
Зането место!
И женщина тихо, не глядя на нас,
Безропотно в третий отправилась класс.
А мне у окна
На вагонном диване
Сидеть было тязяно,
Как будто под грузом...
Тянулись Виргинии
И Пенсильвании,
Отвезали то Питтсбургю,
То Сиракузы...
Все дальше несет меня
Поезд от дома.
Прислушайте нильза
К непорывичому.
Да здесь и колеса стучат по-другому!
Прислушайтесь: по-заграничному!

Ниагара—Ангара

Что сказать о Ниагаре?
Если скажете, что нужно
Петь о ней, как пел Лонгфелло
Об отчизне Гайаваты,
Вспомнить древние легенды
О стране Оджибвеэ, о стране Дакотов
Я скажу вам, я отвечу...

Нет страны Оджибвеэ,
Нет страны Дакотов дикин.
Здесь — курорт для розогеев.
Только вождь дакотский, в «никней»
Обратись, монетой старой
Ходит ныне Ниагарой,
И его в курортной лавке
Отдают за томагавки.
Между кленов остролистных
Бродят блудные туристы,
И скривят их мохнатые
На подошвах из резины.

Нет легенд!
А и может, и есть?
Сколько бы люди ни строили здесь,
Река поначалу у Буффало
Глухо плотинами бужала...
Потом, возле узкого берега,
Взмывает пеня истерика.
И вот, разгромно что можно,
Зеркальную скорость развие,
Кажется, осторожно
Прилетит под обрыв...
Взрыв!
И встали тугие стены,
Из пыли, брызг и пены
Сделаны!
Гордо и прямо стоят оба берега
В цветастых перьях
Индийских радуг.
На одной стороне — Америка.
На другой стороне — Канада.
Ликует природа, границу наруша,
И мечет и рвет водная гора.

Но в Ниагаре сказали:

— Послушай!

А ты, Ниагара,

Не Ангара!

...В минуты нын, недавней поры

Я видел в Сибири огни Ангары...

Дорога то вправо,

То влево вылила,

Пугаса напора колес

Самосвала.

Еще поворот —

В богатырской крысе

Стоит сероголазый

Плечистый Пурсей.

Утес днабаза

В сосновой шестине,

Он грудно прижался

К высокой плотине.

Держа карандаш,

Нелопушный с мюроза,

Я словом ненужным

Считал: «грандиозно»...

Теперь, замесенный

На берег канадский,

Я четко уявлю величие Братска!

Творение рук — не природы подарок.

Плотина там ростом,

Как две Ниагары!

Танулась и крепла

Сравнения нить.

Да, трудно Америке нас удивить...

Канадское солнце

Клонилось на Запад.

Индийские перья собрав на заре,

Багровое облако

В ласковых лапах

Несло их за Тихий,

В Сибирь —

Ангаре!

Родной наш, советский,

Из бронзы отлитый,

Знаковый москвич.

Склонялся в порыве

Могучем и быстром,

Он молот звенящий

Кидает с плеча.

Взмахивает горячие звездные искры

И молча

Орало кует из меча!

Поставлен трудиться

На берег Ист-Ривер

От имени нашей с тобою страны,

Чтоб слышали все

В разгромленном мире:

— Мы против оружия! Против войны!..

Его бы поставить, конечно,

К фасаду

Пусть будет кузнец у людей

На виду!

Но кто-то сказал, что к фасаду

не надо.

«Подорок от русских

Поставьте в саду».

Его от людей небоскребом закрыли,

Повисла над бронзой музейная тень...

Спросил я:

— Не зря ли ты здесь тратишь силы,

Не даром ли молотом тяжким стучишь?

...Открылась в тот день

Чрезвычайная сессия.

В повестке — вопрос

Об открытой агрессии.

Пылают дома африканских селений.

Им пушки Европы

Рычат: на колени!

Но время не то.

И к подьезду ООНа

Подходит с мальчищем

Араб возмущенный,

Идут делегаты Гвиней и Ганы,

Идут молодые, горячие страны!

...Верительных грамот

Москвич не имеет.

С туристским билетом

Вхожу в Ассамблею.

Внизу, под балконом,

Раскинулся мир:

Белеет рядов полукруглый плакитир.

Ряды и проходы разрежали страны,

Как будто на карте меридианы.

От дома вдали нет дорожки и краше

Словечка простого и краткого:

«Нашин».

Шли наши по залу на место садиться

Под светом уайбюк

Под всплывшим «блинцам».

Толпа вокруг них

Ни на миг не редела,

Танулись к ним руки

И черных и белых.

Под взорами зала

Шли мира солдаты,

Шли наши, советские,

Дипломаты...

И вот на часах —

Установленный срок.

Встает председатель,

Берет микловок.

Традиция:

Первые эти мгновения

Отводит молитве он

И разваливаю...

О чем же молился тогда

Дипломаты

Из некоей державы

Содружества НАТО?

Их мир призывает

Сегодня к ответу...

А их представитель читает газету.

С трибуны их гневно араб обвиняет,

Не слушает микстер — газету читает...

...Но враз отлетела от кресла газета,

К трибуне идет представитель Советов:

Мы все в этот час

На трибуне стояли

Огромной страной —

От Курли до Карпат.

Мы все выступали

В оносном зале,

Когда на трибуне

Был наш дипломат!

Уверенно он говорил

И не быстро,

Всю правду, как молот,

Кидая с плеча.

Взметались по залу

Горячие искры,

Ну точно такие,

Как то, у меча.

А где еще сила отщется в мире,

Чтоб стала за правду,

Как мы — напрямки!

И слышит наш голос

Отсюда, с Ист-Ривер.

Любая страна и любой материк.

И тем, кто народы

Толкает в неволю,

Навек завяляем:

— Мы вам не позволим!

Вот этим, которые глобус вертели,

Вот этим, которые миром владели...

Концы наших речей утоплен в ошавии.

Гремят африканские делегации.

А с ними москвич!

Но явился полиция:

— Шуметь здесь нельзя!

Прону удалится!

...Я на прощание снова вышел

Туда, где молотом с плеча

Стучит кузнец, повсюду слышен.

Его же слышачи!

Он повнше

И небоскреба-кирпича!

А солнце бурно золотило,

Бросая щедрые лучи.

Нет!

Он не зря здесь тратит силы.

Сильнее молотом стучи!

Москва — Нью-Йорк — Чикаго —

Ниагара — Нью-Йорк — Москва.

ООН

ООН ослепляет.

Кристалейшим блеском

Горит небоскреба стеллянный кирпич...

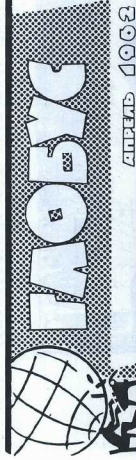
Мне там повстречался

24 АПРЕЛЯ — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ СОЛИДАРНОСТИ МОЛОДЕЖИ ПРОТИВ КОЛОНИАЛИЗМА, ЗА МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ

С ешь лет назад, 24 апреля 1955 года, представители 29 стран срапили сепания подписали исторические рашения Бангунгской конференции: навсегда покончить с колониализмом — позером XX столетия, обеспечить мир и международное сотрудничество.

Вспомогательные мероприятия, посвященные этому событию, проводятся во всем мире. В нашей стране они также проводятся. В последние годы, под какой бы личиной они ни скрывались, шавил самый горький отклик в сердцах молодого поколения. Ведь только в условиях политической и экономической независимости молодежи может в полной мере отдаться миру своих сил и способностей, развиваться и совершенствоваться.

Вспомогательные мероприятия, посвященные этому событию, проводятся во всем мире. В нашей стране они также проводятся. В последние годы, под какой бы личиной они ни скрывались, шавил самый горький отклик в сердцах молодого поколения. Ведь только в условиях политической и экономической независимости молодежи может в полной мере отдаться миру своих сил и способностей, развиваться и совершенствоваться.

Выходит

один раз в месяц

№ 4 (24)

Год издания 3-й

АПРЕЛЬ 1962

МЕЖДУНАРОДНАЯ ГАЗЕТА (СМЕЛЕНЬ)

КАЛЬКУТТА. Здесь успешно функционирует студенческая полиинициатива, построенная по инициативе студентов. Она занимается организацией мероприятий для построения Движения студентов и многих других организаций. В центре — студенты из Индии, Филиппин, Републики Конго, Уганды, Чили, Гватемалы, Японии, Австралии, Южной Африки, Таиланда, Индонезии, Таиланда, Индии. Занимается строительством студенческой больницы.

Заявление Союза студентов Занзибара

Эти заявления занзибарские студенты просили опубликовать в советской прессе. Их главный протест вызван бедственным состоянием народного образования. Ввиду крайней нехватки школ и учителей большинство молодежи Занзибара не получает знаний, необходимых для того, чтобы выдержать современные экзамены в средней школе.

С нова более 800 учащихся выбрасывали на улицу, в результате чего образовался огромный скопление этих ребят, который нас заставляет считать нормальным. Каждый год сотни молодых людей выбрасывают на улицу и продолжают оставаться в школе, но не получают образования. В итоге в жизнь неподготовленными, опустошенными и лишь жаждать тех благ, которыми им не дано обладать. Молодые люди, которые могли бы завтра внести свой вклад в развитие своего общества и культуры своих родителей, вынуждены оставаться в школе и дожидаться, будущие родители и будущие граждане, кото-

ВАШИЛА, О в Лонгосе
сидит горно, мотопла-
тформа, расписан долу
железнодорожной об-
щине Луизианы, которая
клад на работав мав-
сер Лаврент, автор филь-
ма «Априн 1960».

ЛУАНДА. Только поддержа-
того арсенального
тулами, позволяет Салазару
быть в положении, при кото-
ром считаются оправданными жесткие
меры, есть социализма,
ныме, англоязык, обман, де-
ния всех дозволена, жить на
вероятно в лад, отказав-
платье налогов, отступить в
честно, и, писать по популяр-
двум, над законом, не-
дающей много сил борьбы за
быть человеком, независимо
весь о, на назов «лад» жи-

АНСТРАМ. Голландия
полномасштаб
оправд, свои захват За-
ныбы принесли туризмом
на этот свет! Вот фотки не-
мудрой статистики по се-
ский университет было ро-
студентов всех лет Запада
не удалось забитьте стр-

то случилось на десятком грузови-
транспорт «Юлда», стоявшем в
порту Сен-Франциско. Рано утром
буженик зашел на палубу, раз-
мостка залезшая тол матрос Джими
Гендерсон. Он держал на руке все вер-
тлю палубу. За несколько минут до этого
делания и толкно ранил Орвиско обфидра.
Не тирсе возле корабля собирает боль-
ше толпа. Звезд были репортеры, очен-
много же прохватило? Гендерсон — мерт-
этому на корабле ему присвоило тарпел
здоровья,та, наменки и грубости. Мат-

Д Ж И М М И Г Е Н Д Е Р С О Н з а щ и щ а е т с я . . .

рос не выдержал, когда вошел в кабину
вша в кабине. В ту же ночь Джими
посажены в карцер, сумел разоружить
шисово. Он взял в плен пятерых офицеров
миков. Шеста, часто вмести залож-
ная слезать. Гендерсон сбился лишь после
того, как у него кончились патроны.
Случай на «Юлда» наделал много шу-
мером того, к чему может привести неспра-
ведливые отношения. Но дело тут, разу-
меется, не в единичном случае несправ-
...
Не так давно журнал «лар издава публ-
ликосая статью о положении негров в аме-

dabei

БЕРЛИН. Мы — за! Этот планет,
жонго комитета ГДР признала, Джон-
мирного фестивалю молодежи и сту-
дентовского конгресса, свои международной
достое будет приветствовать послед-
домашнему прав, Давид За, мир и
парламенту.

Авторы правде-
та — студенты
тального и, при-
на Ото Кумбет и
Норберт Фроль.

Старая картина, которую
можно на то, чтобы оставить
коррону наследию зану-
на Гандерсона в работе на бе-
лых горах.

ЮНАИТИ. Голубое пылаю-
шество на спортивном поле ме-
дицинской конференции
Панамериканской конференции
молодежи в Лонгосе 1960. Кон-
ференция состоялась в Лонгосе,
и своим зрителем в Странке
внуши изоставили также зна-
ательные ассамблеи африканских колони-
альных организаций.
ЮНАИТИ, министерство
молодежи Гаити, Египта и Мали
рыли в столице Гвинеи, где
осудили обобщение поговоре
проблемы и вопрос создания
молодежной движенье всего
Панамериканская молодежная
организация должна носить ан-
тинимпериалистический ха-
рактер. Конференция, несомненно, по-
мощно содействует развитию ин-
теллектуальному политическому и эконо-

рым принципам, в будущем, является основой
ничего. Поэтому что на выходе дети рождаются
в условиях колониализма. Мы призваны власти сделать
Следует лучше использовать имеющиеся школьные
запасы и организовать в них учебу в два смены. Это
важно осуществимо и уже имеет место в других стра-
нах. Если только спланируется с экономическими пробле-
мами, чтобы спасти наших детей от переполнения го-
родского самоуправления.
Мы хотим бы напомнить тем, кто желает надежды
разрешения, что никогда не удастся разрешить наши пробле-
мы, что никогда не удастся разрешить наши пробле-
мы в области политики, экономики и продвижения в
условиях империалистического господства.

Сейф МАДУРА,
генеральный секретарь. Союз студентов.

Альберт (излет Нью-Мексико) среди бра-
тур, уклоняется, которого не удалось
рля регулярно устраивали чокые сборни-
ща и фискальные шестны, скажи на
вероятно толка большие кружки, систе-
матически ликувати епископату. Колам-
бияне были не принимало никаких
мер к расплате. Да и когда мирок может
включается в грязь, а все жаркое объя-
вляется нормой поведения.

T. БЕГОВ

ЧЕЛОВЕК

Георгий МАРТЫНОВ

Рисунки А. БАВАНОВСКОГО
и Г. НОВОКИЛОВА.

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

(Окончание. Начало см. в №№ 17—24 за 1961 год и 4—6 за 1962 год)

2

— Итак, они улетели?

— Да, три года тому назад. Ксения очень не хотела покидать Землю. Но Виктор умер...

— Он не хотел этого, — сказала Мельникова. — Нет, не думаю, что не самоубийство. Он заболел. Я думаю, что причиной этой болезни была все возрастающая тоска...

— Я его поминаю, — процепил Волгин.

— Его хотели усадить, но Виктор отказался. Он не позволил лечить себя никому, кроме меня и Федора. А что мы могли сделать? Наше медицина не знала средств от подобных болезней. Обмануть его? Мы не решились на это. Он знал, что мы это не делаем.

— Удивляюсь вашей скромности. Я обратился бы к современным врачам.

— Ты бы не сделал этого. Признаться тебе, я говорила с Люцием. Он ответил...

— Знаю, — перебил Волгин. — Что-нибудь о свободной воле каждого человека.

— Они смотрят на такие вещи иначе, чем смотрели мы. И их нельзя упрямить за это.

— Я их не упрямю. Итак, Виктор умер, и Ксения?

— Она была вынуждена лететь со всеми. Ведь на нашем космолете Ксения была вторым штурманом. Только она и Виктор знали, как нейтр Грезу. Современным астрономам эта планета еще неизвестна.

— Они улетели на «Левнеи»?

— Да, так назвали корабль. Только с нашим он не имеет ничего общего. Я было удивилась, откуда ты это знаешь, но потом вспомнила, что нам рассказывал об этой экспедиции Владимир, когда мы летели на Марс.

— Когда они должны вернуться?

— Мельникова опустила глаза.

— На Земле пройдет больше тысячи лет, — прошептала она.

— Опять путешествия в будущее.

Волгин сказал это равнодушно. «Имяем» друзей глубоко обидела его. Они даже не оставили ему писем, только несколько строчек от Ксении, кончающих неуместным словом «до свидания». А впрочем, кто он для них? Почему они должны жертвовать ради него своими интересами?

Мельникова давно заметила перемену в отношении Волгина к улетевшим и поняла причину.

— А почему ты не улетела, Мария? — неожиданно спросил Волгин.

— Дима, ты ничего не понимаешь, — сказала Мельникова, уклонившись от ответа на его вопрос. — Через два года на Грезу отправляется вторая экспедиция. Они были уверены, что мы с тобой прилетим к ним. Они просили сказать тебе, что будут с нетерпением ждать тебя. Милый мой Димочка! — ласково прибила она, проведя рукой по его волосам. — Что тебе делать на Земле?

Волгин заметил ее манер. Но авторично задать тот же вопрос он не решился. Если она ответит не так, как он ожидал, будет тяжело, очень тяжело. Лучше сохранить надежду.

— Я до сих пор не знаю, что такое наша Греза, — сказал он, притворившись заинтересованным. В действительности он сразу решил, куда полетит никогда. — Расскажи о ней. Надо же мне знать, куда меня приглашают.

— Греза — это планета звезды шестидесяти один созвездия Лебедя. Астрономы давно подозревали, что у этой звезды есть планетная система. Греза мы нашли случайно. До этого мы обнаружили две небесные планеты. Но мы искали такую, где могла бы развиться жизнь, подобная земной. И вот нашли. Разумные существа оказались похожими на нас. Но они очень напоминают обезьян. Тело их покрыто бурными грядками, непропорционально громадными уха. А головы, маленькие, с узкими лобными дугами. Но они люди, а не животные, у них есть разум. И цивилизация примерно на уровне девятнадцатого века на Земле. Они не знают еще электричества, радио, самолетов. Но у них есть автомобили, паровые двигатели. Если бы они ходили по рельсам, это были бы маленькие паровозы. Поездов у них нет. Греза очень богата водой. Там много пароводов. Конечно, все это было тогда. Сейчас у них прошло несколько веков. Все могло измениться.

— По твоему описанию, — сказал Волгин, — эти существа довольно несимпатичны. Как они вас встретили?

— Очень хорошо. Мы приглашали их к нам, но желающих не нашлось. Объясняли мы с ними мимикой и жестами. Пробовали мы там недолго.

— Почему вы не фотографировали Грезу?

— Как? — удивилась Мельникова. — Ты не видел нашего кинофильма?

— Нет. Надо будет посмотреть. Откуда это название — Греза?

— Так назвал эту планету Котов. Их название мы так и не узнали. Никогда бы не подумал, что Константин способен быть поэтом. Судя по тому, что ты рассказываешь, это название неудачное.

— Я говорила о людях, а не о самой планете. Посмотрим фильм, и ты поймешь. Греза чарующе прекрасна. Никогда и нигде я не видела такой красивой природы. Какое богатство красок! Вода, создающая ностальгию, зеленая и голубая, небо синевато-синее, моря, озера, реки — как жидкий изумруд. Воздух порывисто чист. Высокие горы хребты с белыми снежными вершинами. Масса животных и очень красивых птиц всех цветов радуги. А ночью все живое светит трах трах, создавая, принудительно перепрыгивая теню, светящиеся пятна, вша, а третья, сам Большая красная, вернее, темно-оранжевая. Когда они светят все три сразу, создается фантастическая картина. Ты сам увидишь ее и полюбишь Грезу. Ее нельзя не полюбить. А к внешнему виду людей скоро привыкнешь.

— Нет, Мария, — сказал Волгин. — Я не полюбю на Грезу. Я вообще никогда больше не полюблю. Я умру на Земле. А ты лети! Совадись со своими друзьями, которые тебе ближе, чем я. Ты осталась ради меня. Не спорь, я знаю, что это так. И ты была права, мне было бы так тяжело проснуться и не увидеть никого из вас. До последнего вздоха я не забуду этого.

— Я и не спорю, — ответила Мельникова. — Но я осталась потому, что похожа на твою Ирину.

— Ира умерла.

— Но не в твоем сердце. Дима!

Волгин ничего не ответил.

Мельникова внимательно посмотрела на него. Нет, она не хотела говорить об этом, она надеялась, что он сам поймет. Но вот уже второй раз Волгин пытается возобновить этот разговор. Ничего не поделаешь! Фантастично! Димитрий сказала она решительно. — Давай кончим с этим. Договорим до конца. Ты думаешь, что любишь меня, что я тебе нужна. Но ты ошибаешься. Ты любишь свою жену. Если бы я и не была на нее так похожа, ты бы обратил бы на меня внимание и отослался ко мне так, как отослался к Ксении. — Он хороший, прямой, честный человек, с сильной волей. Будь же искренен до конца.

Волгин почувствовал себя пристыженным. Она была права. Он крепко сказал ее муж.

— Но ты будешь со мной до отлета на Грезу?

— Конечно. Дима! Но я уверена, что ты передумаешь и полетишь тоже. Разве ты не хочешь увидеть Игоря и других? Там, на Грезе, у нас будет много работы. Мы передадим все свои знания ее обитателям.

— Мы? — намышиво спросил Волгин. — Ты и я? — Нет, Мария! Я больше чем ты. Мы с тобой и там окажемся отсталыми людьми. Ты говоришь, увидишь Игоря и остальных. Да, я хочу их увидеть, мне тяжело расстаться с тобой. Но и на Земле есть люди, которые стали мне родными: Люций, его отец, Марс, Владимир. Это мои друзья. Я полюбил их, и они меня очень любят. С ними я не так чувствую себя одиночкой, меньше ощущаю свою никчемность. А потом, родина есть родина...

— Пожалуй, ты прав, — задумчиво сказала Мельникова. — Мы ушли в будущее добровольно. Мы были подготовлены к этому. А тебе выпала тяжелая судьба, и ты, конечно, прав. Оставайся на Земле. У тебя хватит воли и мужества вытерпеть все до конца. Если бы они знали, — воскликнула Мельникова, и Волгин понял, что она говорит о своих товарищах, улетевших на Грезу, — они никогда не покинули бы тебя! Но они были так уверены, что у нас достаточно приспособились к ним.

Я понял и не осуждаю их, — сказал Волгин. — В конце концов они поступили разумно. Я даже советую, — прибавил он с обычной, чуть намышивой улыбкой, — не останавливаться на этом. Возвращайтесь с Грезе обратно на Землю, пожалуйста. Там стало с нею, и снова наступил этот полет. Так вы видите историю Земли на протяжении сотен веков. Это ведь очень интересно. И скучать вам не придется.

— Но у ты мог бы поступить так же.

— Нет, я не рожден космополитом. Не один день я отправился если не в космос, то в правдерегию, и с меня достаточно этого. Судьба Керри, — Мария, Владимира навсегда отравила меня от космических путешествий. Я — земной человек, Мария, и всегда буду таким. Но во всем доступна радость исследователя. Я решил поступить самым парадоксальным образом — никогда не покидать Землю. Я решил учиться с самого начала. Люций говорил, что я прожужу его сто лет или немного меньше. Времени достаточно.

Волгин говорил с горечью. Это не ускользнуло от Мельниковой. Она жалея его от всего сердца, но чем могла помочь ему? Человек обладает замечательным свойством привыкать к обстановке, — сказала она только для того, чтобы что-нибудь сказать. — Ты привыкнешь, и жизнь покажется тебе не такой уж мрачной.

— Конечно! — ответил Волгин обычным тоном. — Я сегодня просто в плохом настроении. Идем! Позже тебе придется ехать на Кипре. И все, что было с ним, также не покидали острова. Ивай должен был скоро улететь на Грезу, где его ожидал присланный за ним космолет. Никто не хотел расстаться с фреатонцем раньше времени. Да и не было бы у них некаленифицированного, полного влекущего обаяния человека. И Волгин, несмотря на все своей пессимизм и скептические отношения к факту своего выживания, все же был благодарен фреатонскому ученому за спасение своей жизни.

Изя ежедневно тщательно исследовала Волгина, но никому ничего не сообщала о своих выводах. И его никто ни о чем не спрашивал: если будет нужно, он сам скажет.

До отлета ракетолана на Цереру остался один день.

И в то самое время, когда Волгин разговоривал с Мельниконой, решившейся наконец рассказать ему об отлете своих товарищей на Гезу, в доме, где все четыре года жил Изя, шел другой разговор, непосредственно касающийся Волгина.

Сидя на низком «диване», Ио, Люция, еще два врача и Мэри с ужасом слушали, что говорил их фазтонский ученый.

Казавшийся бесстрастным голос Изы произнес слова, от которых холодный пот выступил на лицах слушателей.

Это было так неожиданно и так непонятно страшно...

— Действие «Черного Блеска», — говорил Изя, — в общем аналогично действию других радиоактивных веществ. Но оно имеет свои особенности. Лучевое влияние на человеческий и всякой живой организм нам совершенно ясно. Летаргия, вызываемая «Черным Блеском», не может принести вреда человеку. Она только выключает его из жизни на тот или иной срок. А затем человек пробуждается вполне здоровым, даже еще более здоровым. И вы видели на примере Волгина, что наш вывод был правильным. Любой другой человек на его месте продолжал бы жить, как будто никакого перерыва и не было. Но мы не учли, и в то время теперь понял это, что Волгин не обычный человек. Он был мертв почти две тысячи лет по вашему счету. Затем его воскресили. Это не могло не сказаться на самом веществе его нервных волокон, особенно на веществе спинного мозга. Не понимаю, как мы могли забыть об этом. Он проснулся внешне здоровым, но только внешне. Я тридцать дней слезу за ним. Мне сразу не понравились некоторые симптомы, которые я обнаружил в его нервной системе. Они незаметны, только наши приборы фиксируют их. Идет непрерывный и грозный процесс. И против него не существует никаких средств. Может быть, их найдут в будущем. Волгин обречен, и его нельзя спасти.

— Значит, смерти?

— К сожалению, хуже. Но, может быть, он сам, когда вы сообщите ему всю правду, предпочтет смерть.

— Что его ждет?

— Пошли паралич. Он сможет прожить несколько лет, но только в совершенно неподвижном состоянии. Я не знаю, каковы моральные нормы, которых придерживаются люди Земли в таких случаях. У нас избавляют человека от ненужных страданий. Как поступит, дело ваше.

— Когда это должно случиться?

— Не могу ответить точно. Частичный паралич, думаю, начнется не позднее, чем через два месяца. Когда наступит полная неподвижность, я не знаю.

— Молчанье нарушил один из двух врачей, присутствовавших при разговоре.

— Значит, по-вашему, молчанье нельзя сделать?

— Вы не знаете его причины, как не знаем этого и мы, это не обычный паралич. Он вызван «Черным Блеском» и особенностями организма Волгина. Я знаю уровень вашей медицинской науки. С любым видом паралича вы справились бы. Но не с этим. По-моему, сделать ничего нельзя.

3

Волгин вернулся на Ривьеру, в дом Муниця. С ним были Мария, Владимир и Мэри.

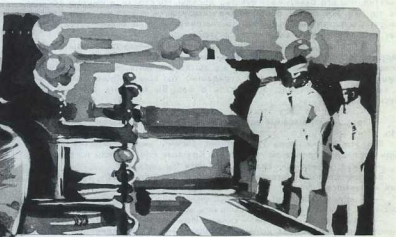
Волгин чувствовал себя прекрасно. Прогрессирующий процесс, обнаруженный Изю, еще никак не проявлял себя.

Волгин был весел, как всегда, как и маленькими Дмитрием, и казалось, что его покинута все мрачные мысли о будущем.

Он привязался к своему телу, и тот платил ему такой же привязанностью. Двухлетний ребенок уже свободно владел речью, его начали обучать чтению, письму, арифметике. И Волгин мог непосредственно наблюдать, с какой легкостью и быстротой современные дети постигают все то, что дети его времени узнавали к восьми, девяти годам.

Волгин снова вернулся к мысли совершить наконец поездку по Земле, которая откладывалась уже столько раз, и при активном участии своего друга с увлечением разрабатывал маршрут.

— А меня ты возьмешь с собой? — спрашивал Дмитрий.

Волгин вопросительно смотрел на Мэри, которая, едва сдерживая слезы, утвердительно кивала головой. Она хорошо знала, что все эти планы несбыточны, что Волгина нельзя никуда отпустить. Если он будет настаивать на отъезде, придется искать предлог, чтобы задержать его. Дом Муниця должен был стать последним местом пребывания Волгина на Земле. Отсюда он вернется в павильон острова Кипр или... Но даже про себя Мэри не решилась доложить фразу.

Она жила в напряженном состоянии постоянного ожидания. Каждое утро при встрече с Волгиным она боялась заметить признаки, о которых говорила Изя. Но дни шли, а грозные симптомы не обнаруживались.

И все же Мэри знала, что фазтонский ученый не мог ошибиться. И то, что был поставлен в тупик, так же не сомневался в правильности диагноза. В Верховном Совете науки шли горячие споры.

Мысль, что можно попытаться найти средство излечения в процессе самой болезни, сразу была отвергнута. Против нее категорически выступал Люция. Он заявил, что считает совершенно невозможным подвергать Волгина такому жестокому испытанию. И за исключением немногих все согласились с ним.

Для членов Совета вопрос состоял в том, стоит ли говорить Волгину о грозившей ему участи или нет, предпочтеть ему самую решительную свою судьбу или распрощаться ею без его ведома.

Ученые были поставлены в трудное положение. Пациент в настоящее время совершенно здоров и не помышляет о смерти. Нависшая над ним опасность была единственной в своем роде, и не угрожала большому количеству. Да и сам пациент был человеком, находящимся на особом положении.

Естественно, что решающее слово принадлежало Люции. Остальные высказывали только свое мнение.

Вся эта дискуссия терзала сердце Люция нестерпимой мукой. Он не сомневался ни одной минутой, что Волгина ожидает смерть. Пальные слова Волгина, сказанные в ответ на подражание Ио, продолжали звучать в ушах Люция, тот тон, которым это было сказано, не оставлял надежды. «Не с чем», — ответил Волгин. Люция понял тогда, что Кeesия была права.

Кто знает, может быть, этот неожиданный конец — благоденствие для Дмитрия Волгина!

Люция жестоко раскаялся в том, что воскресил Волгина. «Великий оупт казался ему теперь преступлением. Он не мог больше продол-

жать эту дискуссию и решил положить ей конец. Пусть неизбежное случится.

Он выступил и сказал:

— Для меня нет сомнения, чем все это кончится. Я знаю Дмитрия. Это человек с сильным характером. Я сегодня же сам сообщу ему все. Или мои опасения оправдаются... доверьте ли вы мне исполнить приговор?

— Верховный Совет науки поручает вам исполнить желание Дмитрия Волгина, — сказал председатель.

— Да, — сказал Ио, — только так. Как выполнить это. Три дня Люция не мог решиться вылететь на берег Средиземного моря к своему сыну. Его не торопили, хорошо понимая, какую тяжелую задачу он взял на себя.

Но Люция так и не решился на разговор с Дмитрием с глазу на глаз, он в конце концов просил Ио присутствовать при этом. Люция вызвал Волгина по телефону.

Ничего не подозревая, Волгин подошел к креслу телефона. Он привычно произвел вызов. Когда всплыла зеленая точка, нажал на кнопку.

Появление Ио он встретил с радостной улыбкой, но, посмотрев на Люцию, испугался:

— Отец! Ты болен?

Люция отрицательно покачал головой.

— Я здоров, — сказал Ио, — только так возможно. Я должен поговорить с тобой, Дмитрий. Я считаю, что с тобой не нужны подготовительные разговоры. Думаю, что не ошибаюсь. Скажи мне, ты не тяготишься жизнью?

— Я поднимаю вопрос, особенно тон, которым он был задан. Люция говорил как-то о деревянных голосах, тогда повторил выразительный урок. Ио с хмурым лицом смотрел мимо Волгина.

— Почему ты меня спрашиваешь об этом? Если ты хочешь сообщить мне что-то серьезное, говори прямо.

— Нет, я не могу! — воскликнула Люция. — Говорите вы, Ио.

И Волгин узнал обо всем.

В первый момент он обрадовался, почувствовал облегчение. Но вдруг ощутил, что его охватывает чувство досады. Не страха, а именно досады на то, что ты видишь, обладающий огромными знаниями, живущий в своем распоряжении могущие достижения науки и техники, так легко, как ему показало, смиряются с угрожающей ему смертью.

— Я благодарен вам, Дмитрий, — говорил Ио, — за то, что вы с такой твердостью слушаете меня. Теперь вам ясно положение. Мы не можем сплести вас. Мы бессильны. Если вы хотите жить, то неподдаемость вашего тела не причинит вам страданий. Мы всегда будем находиться в связи, разумеется, как зоботитесь о вас. Вы сможете прожить еще несколько лет.

— А если я не хочу этого?

— Тогда мы поможем вам умереть, — дрожащим голосом ответил Ио.

Все это время, пока Ио говорил, Люция сидел, опустив голову.

Пер последние слова он поднял ее. Крупные слезы текли по его лицу.

— Живы, Дмитрий, — сказал он, — хотя бы ради нас.

Волгину стало мушкетно жаль его. Он понял теперь, почему отец так изменился.

— А если анабиозом? — спросил он. — Пока я буду спать, вы будете работать и найдете средство вылечить меня.

— Мы думаем об этом, — сказал Ио. — Анабиозом только ускорить неизбежный конец. Ты должен выбирать — или немедленная смерть, или несколько лет жизни...

— В параличе?

— Да, в параличе.

Волгин задумался. Он с удивлением заметил, что он ощущает больше волнения, что его мысли текут ясно и спокойно.

Он вспомнил о Мельниковой. Она улетает на Грзу через два года. И все это время она будет с ним. Он будет видеть ее, говорить с ней... Но это значит согласием на положение живого трупа. С другой стороны, у него есть выход: если ему будет очень тяжело, он потребует прекратить эти мучения, его умертвят.

И вдруг Волгин вздрогнул от пришедшей в голову мысли. Нет, это немыслимо, невозможно! А почему? Ведь стало же возможным в тридцать девятом веке то, что казалось немыслимым в двадцатом. Если сделать так, всем будет легче — Люция, Ио, Марин... Особенно Марин!

Нестественное спокойствие покинуло его, сменившись жаждой жизни, движением, чувств, мыслей. Сердце забилось сильнее в тревожном ожидании.

Волгин поднял голову и пристально посмотрел на Люцию.

— Отец! — сказал он. — Каждому человеку свойственно бороться за свою жизнь. Я хочу знать, есть ли какая-нибудь надежда найти средство лечения моей болезни за время, остающееся в моем распоряжении?

— Нельзя обманывать тебя, Дмитрий, — сказал Ио. — Современная наука не может найти это средство.

— Значит ли это, что болезнь вообще неизлечима?

— Так и нет и не может быть. То, что невозможно сейчас, возможно в будущем. Для данного случая, в отдаленном будущем.

— Такого ответа я и ждал. Сделаете ли вы то, о чем я попрошу вас?

— Мы сделаем для тебя все.

— Тогда я скажу вам мое решение. Я хочу жить. Ваша наука не может дать мне такую возможность, но может вылечить меня. Предоставь мне эту другую науку.

— Ты говоришь о фатонцах? Но я сказал уже...

— Нет, — перебил Волгин, — я думаю не о фатонцах.

Люция задрожал: он понял!

— Объясни, — спросил Ио.

— Все просто. Я уже был болен неизлечимой болезнью, и наука моего времени не могла спасти меня. Но ваша наука вернула мне

жизни. Повторно опят. Я понимаю, опасно, рискованно. Вторично может не выйти. Но ведь я все равно обречен на скорую смерть. Я ничего не теряю. Сейчас, когда я еще здоров, заморозьте меня. А через тысячу лет ученые пусть попытаются снова воскресить меня. Удастся — хорошо. Не удастся, — повторю, мне терять нечего.

— Это то окончательное решение? — спросил Люция.

— Да, окончательное. Если нельзя этого сделать, я умру немедленно.

— Дмитрий, — сказал Ио, — ничего невозможного в этом нет. Мне представляется это лучшим выходом. Но подумай ли ты, что будешь делать тысячу лет? Ведь даже у нас так трудно...

— Я буду не один. Космонавты с «Ленныа» в таком же положении. А может быть... Волгин наклонился вперед: — может быть, и ты, отец!

— Да, ты прав, — возволенно сказал Люция. — Я тебя не покину. И даже тогда, когда я буду уже в будущем. Я уверен, все будет хорошо. И мы с тобой снова встретимся.

4

Все человечество Земли и Фаттона уже знало о принятом решении. Перед отлетом на Кипр Волгин выступил перед аппаратом всемирной телеоразации.

— Я передам вашим потомкам, — сказал он, — привет от моего и вашего века. Будете счастливы жизнью и трудом! Прощайте!

— Да, тебе, — говорил он Марин, — все эти века пройдут как несколько коротких лет. И я увижу тебя, как только открою глаза. Обещаешь мне это?

— Конечно, Димал. Мы все встретим тебя.

Перелет на Кипр совершился, как всегда, за очень короткое время. На острове с нетерпением ожидали Волгина. Все было готово.

Как только arrived опустился на Землю, Волгин обнял всех, кто был с ним. И, не оборачиваясь, быстро направился к зданию, на котором он жил.

Лифт опустился на два метра в глубь Земли. Металлические стены подземной комнаты, массивные аппараты, окруженные со всех сторон прозрачный саркофаг, люди, одетые в белое, — все это прошло мимо сознания. Волгин автоматически исполнил то, что ему говорили.

Подошел Ио.

— Ты готов, Дмитрий? — спросил он.

— Да.

Еще немного, несколько мгновений — и конец. Простелит ли он когда-нибудь?

Что-то вроде страха шевельнулось в душе Волгина.

— Не волнуйся, — сказал Ио. — Все будет хорошо. Тысяча лет пройдет для тебя, как миг. Закрой глаза!

— Зачем? — трудом шевеля губами, ответил Волгин. — Они сами затворятся, когда я засну.

Лицо наклонившегося над ним Ио затуманилось, расплылось, потом исчезло...

Глаза Волгина закрылись.

Ио отступил на шаг и поднял руку.

Опустился прозрачная крышка.

— Газ!

Голубоватый туман заискрился, наполнив внутренность саркофага. Ио направился вперед к Волгину. Прошла минута, другая... Туман густел — это начал закрываться воздух.

— Прекратите подачу! Всем покинуть помещение!

В плотном голубом сумраке уже плохо различалась неподвижная фигура человека.

Ио быстро вышел.

Герметически закрылась металлическая дверь. Нажата кнопка, включившая в действие аппараты — внимательные, умные, точные. Они будут следить за всем, поддерживать нужный режим все время, пока люди, еще не родившиеся на Земле, не останутся их.

Дмитрий Волгин снова ушел из жизни.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Люди двадцать первого века Новой эры... Но, может быть, она называлась уже иначе, «новейшей», или совсем не имела названия. Может быть, перестали делить время на столетия? Люди пять тысяч двадцатого года знали все, что касалось процессов жизни и смерти. В этой области для них не осталось тайн.

Они были прекрасны, они были, физические и морально. Они были мудры, хотя внешне мало отличались от тех, среди которых прожил свою короткую, вторую жизнь Дмитрий Волгин.

Они могли допустить ошибку, сделавшую тысячу сто шестидесять лет тому назад Люцием и Ио. И если бы они не могли дать Волгину полноценную жизнь, во всем равную их собственной, они не воскресили бы его.

Мозг человека так в себе неограниченные возможности. Они знали это и имели в своем распоряжении средства вызывать и действительности, «пробуждая» дремлющие центры человеческого сознания.

Они могли дать мозгу ускоренное развитие, могли создать человека, не только подобного им самим в умственном отношении, но и человека с умом будущего. Но не считали нужным это делать. Каждому времени свое сознание.

Пробуждая Дмитрия Волгина, они знали, что очень скоро он станет таким же, какими были они. Мери были приняты заранее. Он сам ничего не заметил.

Сколько он сможет прожить? Такого вопроса не возникло. Люди жили столько, сколько они хотели. Так же будет и с Люцием и с знаками космонавтов, вернувшихся с Грзы. Со всеми, кто явился в пять тысяч двадцатый год из прошлого. Со всеми, кто собрался, чтобы пригласить в двадцать первый век и двадцать воскресшего человека. Ленинград. 1951—1961 годы.

купилась пальто в кинотеатре. Разумеется, в «Прогресс» я пришла не за покупками, а посмотреть новый фильм. Перед началом показа директор на сцену вышли девушки из группы, демонстрируя и зная пальто. Они назвали цену, материал, размер модели. Оказалось, что можно заказать понравившуюся вещь прямо здесь же, в кинотеатре, а получить в магазине «Мосдевушка» № 43 в любое время без всяких чекушек.

Через неделю я зашла в магазин на Ленинском проспекте за своим пальто и увидела на стене плакат: «Магазин коммунистического труда».

... Все началось осенью прошлого года. Началось с производственного совещания. На заводе и на фабрике обычно в таких случаях говорят о детальной технологии, логических процессах. Но как изложить труд производственников — речь идет о таких неизмеримых

— Зависавайте! Я предлагаю другое решение. Увидя наши расстроены лица, он продолжил:

— Раз ничего еще нет, придется первую попытку сделать мне. Я хочу купить... хому купить... Он долго глядел на образцы.

Мы поняли, что ему ничего не нужно, а хочется просто нас подбодрить и, может, утешить. И он достиг цели. Образованная галля засыпала прерадоные вопросы:

— Фамилия? Номер квартиры? Когда хотите получить заказ?

Прошло еще полчаса, и мы уже начали думать, что этот первый покупатель окажется последним.

— Может, покупатели не идут оттого, что объявления повесили и не заметили... предположила Галля, написаво мне, от руки. Их и не заметили...

Но неожиданно все наши тревоги развеялись в прах. Когда стрелки часов приблизились к половине седьмого, комната наполнилась покупателями. Они про-

сто только что пришли с работы. Люди подошли и сразу рассматривали образцы. Посыпались вопросы:

— Есть ли импортные маленькие размеры? — Почему не принесли модных шляпочек?

Галля едва успевала отвечать, а я — записывать адреса и время, в которое покупатель хотел бы получить товар.

Из обычного магазина, получив нужные вещи, люди сразу уходят. А тут многие женщины, кто их заказы уже были приняты, ушли не спеша.

В чем дело? Выяснилось это, когда в нашей работе образовалась небольшая пауза.

Одна из заказчиц спросила: — Хотелось бы узнать, будете ли вы приносить товары в наш дом еще или это у вас так считалось, однодневное мероприятие? Немного подумав, Галля объяснила, что продукция новословка.

из магазина коммунистического труда решили постоянно продавать товары по образцам в соседних жилых корпусах.

— Это вы здорово продумали, — сказал единственный оказавшийся здесь мужчина. — У меня, например, жена завтра именинница, а подарков купить, конечно, вовремя не успел: некогда, только лекция и вечернее техникуме. А теперь я сполнаю заказую... вот это, это и это. Записали! Ну и отлично. Попрошу вас, укажите в карточку и завтра часов в двенадцать дня — я-то буду на работе — вручите моей жене.

...Понюпатели разошлись. Мы упакovali образцы и вышли на залитый огнями проспект. А перед глазами у нас еще долго стояли и улыбающийся мужчина, которому наш приход помог получить отменную семейную торжество, и женщина, спросившая, где однодневное это мероприятие, и другие покупатели.

— Тебе куда сейчас? — спросила я Галлю.

— На Варшавское шоссе, — Далеко.

— Можно устроиться и ближе, но здесь интересно работать. Интересно работать... Это значит — твой работа приносит радость не только тебе, но и другим.

В. БОЧАРОВА

Фото Г. ДУБНИКОВА.

ЖИЗНЬ

величиною, как внимательность, внимательность, и внимание, и радужная улыбка — важные качества современной женщины. Именно об этом и говорили девушки на том памятном собрании. Всех волновал один вопрос как лучше обслуживать покупателей.

— Моет, нам самим идти к нему? — Неожиданно для всех сказала Анастасия Матвеевна Бушмачева, директор магазина.

— Так, как и производственных магазинах? — Да, принимать заказы прямо на дому, по образцам.

— Ходит по квартирам и вылаживает образцы перед каждой хозяйкой? — с сомнением пожала плечами Галля Мельникова.

Но все оказалось не таким уж сложным: на первых порах модельеры решили демонстрировать в соседнем кинотеатре и домуравленных, ну, а детские распахивания — в женской консультации.

Когда первый раз Эмма Зайцева раскладывала на столе в консультации крошечные рубашки, распашонки, полтинки, она поняла, что стоять за прилавком куда легче. Там, в магазине, подходят люди, выбирают. Все знает, зачем пришли. А тут... Вот сейчас кончится беседа врача, и женщины выйдут из кабинета. Может, все будет, как в магазине: обступят стол с образцами, будут спрашивать, выбирать. Надо ответить на их вопросы, записать в тетрадь адреса и фамилии.

А вдруг женщины пройдут мимо, даже не заметива нет! Но женщины все-таки! Или им не понравятся образцы? Над успеть объяснить каждой, что заказанные белые комсомолки-продавщицы принесут домой в любое время и никакой дополнительной платы за это потребуются.

Эмма напрасно переживала: развобудив мать, приходит много всего, что понадобятся ее малышу!

Сейчас Эмма постоянно принимает заказы в 9-й консультации Октябрьского района.

После этого комсомолки организовали еще два пункта продажи по образцам в красном уголке дома № 9/10 по проспекту Вернадского и в домуравленных на 1-й улице Строителей.

И вот вместе с Галлей Мельниковой я еду на 1-ю улицу Строителей. Галля несет пакет с образцами. Мы разговариваем их на столе в небольшой уютной комнате, а потом все перебраиваем с места на место — стараемся разместить попарнее. Но вот все, кажется, готово, мы идём первых покупателей.

Прошло пятнадцать минут, двадцать, полчаса... Наконец-то дверь открылась, и мы впустили навстречу нашему первому посетителю.

А он по-хозяйски раздвинул и сказал:

... В КВАРТИРУ,

... В ЖЕНСКУЮ КОНСУЛЬТАЦИЮ,

В очереди: работ с образцами в Валу отправляет продавщица Галля Мельникова и Валя Костина.

В небе над сибирской тайгой плывет необычный воздушный корабль. Огромная серебристая сигара величественно парит над джунглями в безмятежном лесном океане.

Но вот на корабле раздается сигнал тревоги: вдали черной столб дыма. Тайга горит! Воздушный гигант устремляется навстречу пожару. В его серебристом корпусе открывается Т-образное отверстие, и устройство, напоминающее трапезицу, выводит наружу самолет. Врезав реактивные двигатели, и самолет оторвался от трапезицы. Трапезица ушла внутрь, и через минуту новый самолет показался из чрева воздушного кита. Один за другим отрываются самолеты от своей азиатки и устремляются к месту лесного пожара. Широкий фронтон идет они на горючий лес. Через несколько минут самолеты уже летят над огнем, сбрасывая противопожарные бомбы. Глухо это взрывов рвет лесную тишину. Плотный дым расплывается по земле, душит огонь. Он загнает горящую тайгу. Все режет и режет пробиваются сквозь него языки пламени. И наконец исчезают совсем.

Самолеты еще некоторое время кружат над пожарцем, затем подлетают к сваям плавучей базе и исчезают в корпусе корабля.

...Воздушный корабль подплывает к раскинувшись среди тайги городу. Он снижается над озерком, около заводских корпусов, и невольно со стороны останавливается. Внизу, под ним, на просторной площадке стоят несколько готовых сборных двухэтажных домов. С корабля опускаются на землю тросы. Рабочие быстро подбегают к ним один на дом, и он плыво вымывает в воздух.

Корабль несет его над тайгой. Несет час, два, три... Несет до тех пор, пока внизу не открывается новая площадка, вырубленная в тайге. Корабль снижается над вырубкой и осторожно ставит дом на подготовленный фундамент. Монтажники с миниаторной радностостью за спиной командуют на корабль: «Вперед, «Майна»!

Корабль набирает высоту. Один слой облаков остается внизу, другой, а под ним нескончаемо еще продолжается. И лишь на 20-километровой высоте он переходит в горизонтальный полет. Яркое плывет солнце на его серебристый бок. Корабль с резко возросшей скоростью летит на юг.

Заглянем внутрь этого чудесного гиганта. Здесь не безлюдно. Большой экипаж в два с лишним десятка человек трудится на корабле в три смены. Пока одни несут вату, другие отключают. К их услугам комфортабельные каюты с мягкими диванами, ванная комната с холодной и горячей водой, просторная каюта-компания с библиотекой, буфетом и радиотелекомбайном. Сквозь широкие окна хорошо видны необятные земные просторы. В обеденные часы кают-компании превращается в столовую. Обед готовится в электрифицированной кухне.

Давайте пройдем в служебные помещения.

АТОМНЫЕ ГИГАНТЫ ПРОСЯКАЮТ В НЕГО

В. БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ

Здесь царит тишина, мерцают голубые экраны докаторов, светятся бесчисленные приборы. Люди, следящие за ними, ничем, в сущности, не напоминают летчиков: они трутся у пультов и похожи на инженеров-операторов какой-нибудь энергетической станции или электроисчислительной машины.

Идем дальше. Инженер-пилот, сопровождающий нас, предлагает нам маленькие портативные кислородные маски с баллончиками, вроде авиалангос. Инженер открывает одну из дверей, и мы оказываемся в лифте, который стремительно несет нас куда-то вверх. Остановка, и мы выходим на небольшую площадку. И лифт, и площадка, и поручни — все сделано из какого-то легкого и прочного пластмассы. Над головой у нас огромный серый сводчатый потолок, укрепленный легкими, видимо, тоже пластмассовыми стропилами. Слабо освещая огромное пространство, мерцают синие лампы. Впечатление такое, словно мы находимся в неразботанном цехе завода. Но время здесь само рабочее, зато никого и не видно. В отдалении от нас, подвешенная и стропилами, почти бесшумно вращается большая ажурная конструкция, напоминающая... ну, конечно же, это большая радиолокационная антенна! Инженер-пилот подтверждает нашу догадку.

Лифт доставляет нас на другой этаж. Долго идем по длинному коридору со множеством герметических дверей. Инженер ведет нас в сердце корабля: в его машинное отделение. Точнее, не «в», а «к» машинному отделению, ибо вход внутрь для человека закрыт. Мы только видим закругленные стены, покрытые циферблатами приборов, окошки которых дежурят двое «машинистов». По их одежде —

плурозрачным скафандрам — мы догадываемся, что за белыми матовыми стенами являют атомный котел.

— Ну что же, — скажет иной читатель, — о проблемах применения атомной энергии в авиации уже писалось. Но пока это невероятно... — Фантазия, — добавит скептик.

Да, если речь идет об описанном нами полете, то, разумеется, это фантазия. Но если говорить вообще об изображенном нами воздушном корабле, то дело обстоит не так уж фантастично.

Попытаемся это доказать. Прежде всего описанный нами корабль не самолет. Если бы мы изобразили самолет, то это действительно было бы полной фантазией.

Но наш корабль не самолет и не какой-нибудь другой фантастический летательный аппарат, ведущий своего конструктора или некоего изобретателя. Парадокс в том, что такой «аппарат» изобретен, точнее, начал летать 178 лет назад, и название его известно любому грамотному человеку. Известно, но почему-то в последнее время забыто.

Речь идет о дирижабле. Да, о том самом дирижабле, который был изобретен раньше самолета и автомобиля и который многим ныне представляется чем-то вроде ископаемого динозавра авиационной техники.

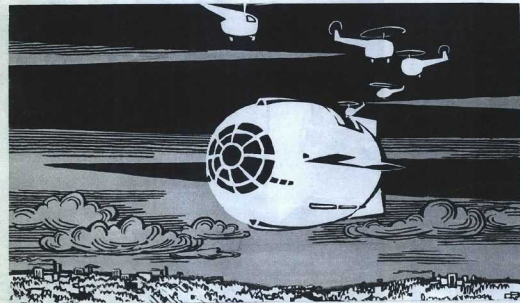
— Ну, хорошо, — могут возразить нам, — дирижабль — это действительно не фантастика, но ведь все осталось, буквально все, что приписали к своему дирижаблю, — это то уж сплошной вымысел!

Вымысел! Придется нам кое-что вспомнить, перелистать покрытые пылью страницы авиационной истории, а потом... потом судите сами, что из рассказанного нами фантастика, а что нет.

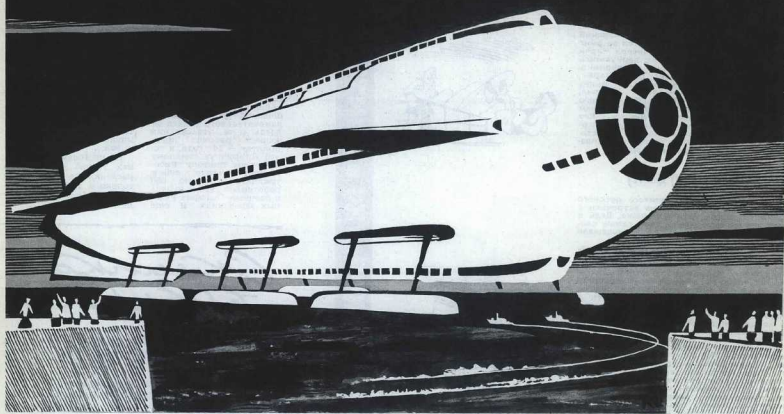
Начнем с 1930 года. Многие москвичи старшего поколения помнят посещение нашей столицы немецким дирижаблем «Граф Цеппелин». Помнят, как его огромная серебристая сигара величественно парила над низкими в то времена московскими крышами.

Но заглянем на предыдущую «страницу». Откроем 1929 год. И тогда мы узнаем, а это, к сожалению, сейчас почти неизвестно, что тот же самый «Граф Цеппелин» впервые в истории дал возможность людям облететь земной шар. Поднявшись с Фридрихсфена (юго-западная Германия) и взяв курс на восток, «Цеппелин» пролетел над Баролой, Сибирью, Дальним Востоком, Японским морем и приземлился первый раз только в Токио. Пополнив там свои запасы, дирижабль направился через Тихий океан в Лос-Анджелос. Из Лос-Анджелоса он перелетел в Лейкхарт на атлантический берег США (Новая Англия) и из Нью-Йорка через Атлантический океан и Юго-Западную Европу вернулся во Фридрихсфен.

Третье пять тысяч километров за 12 летних дней пролетел «Цеппелин», имея на борту более 30 тонн «комерческого груза». Экипаж и пассажиры (54 человека) разместились в двух-

местных спальных каюток. К их услугам имелся buffet с электрокухней, кают-компания в 25 квадратных метров, холодная и горячая вода в ваннах и туалетных комнатах.

В 1936 году в Германии был поднят в воздух еще большие дирижабль «Гинденбург». Он совершал беспосадочные рейсы из Центральной Европы до Южной (Рио-де-Жанейро) и Северной Америки. За 14 месяцев эксплуатации он совершил 54 рейса, из которых 36 пролетало через Атлантику. Он поднимал в воздух толпу пассажиров—100 человек. К их услугам имелась на дирижабле даже застекленная прогулочная палуба, проходившая внизу, под килями дирижабля.

— Ну, а самолеты, вылетающие из корпуса? И самолеты были! Еще в начале 40-х годов был построен дирижабль-винноцел «Арион», носивший в своем «чреве» 5 самолетов. Они с помощью транспозиционного устройства «вылетали» из дирижабля и так же образом «влетали» обратно.

Что же касается гигантского радара с обзором в 300 миль и больше, подвешенного в корпусе дирижабля и вращающегося тем на 360 градусов, то его, конечно, не было 30 лет назад. Но он имеется сегодня на пилуэриных американских дирижаблях.

Что еще осталось от фантастики? Атомный двигатель! Какая же это сегодня фантастика? Атомный двигатель на самолете—это пока еще фантастика. Большой вес и габариты атомной силовой установки, необходимые защитные экраны делают ее пока неприемлемой для самолетов. А для дирижабля при его огромной грузоподъемности эти сложности не составляют инженерной проблемы. Кроме того, мощность атомных двигателей для дирижабля, а следовательно, в какой-то мере и вес должны составлять лишь одну двадцатую часть от мощности, необходимой самолету, ибо моторы дирижабля нужны в основном для движения (в воздухе его поддерживает подъемная сила газа). И, наконец, выше будет коэффициент полезного действия атомного двигателя на дирижабле, так как источник тепла можно будет использовать для подогрева газа в облоночке, что значительно, как доказал еще Циолковский, увеличит подъемную силу дирижабля или его пологой. С помощью атомного турбореактивного двигателя можно будет резко увеличить и скорость дирижабля, особенно в стратосфере.

Но вернемся от атомного дирижабля к простому. Его аэоловой века, по нашему мнению, тоже еще впереди.

Было время в конце 40-х годов, когда дирижаблестроение пришло в упадок. Однако бурное развитие науки и техники второй половины нашего века вздохнуло в него новую жизнь. Вместо огне- и взрывоопасного водорода, виновника многих катастроф, стали применять гелий, вместо бензиновых моторов — дизельные, работающие, как известно, на невзрывоопасном топливе. Сервомоторы сменили тросовые туги рулей управления. Радарное и электронное оборудование вытеснили примитивные навигационные приборы начала XX века.

Отшли в прошлое и те времена, когда оболочки дирижабля делались из бодюры — специальным образом обработанных бычьих кишок. Прочные, легкие и дешевые синтетические материалы заменили их. Новые оболочки оказались газонепроницаемыми, а расход горячего стали уравновешивать водным балластом.

Все это, вместе взятое, позволило авиационным специалистам по-новому взглянуть на возможности дирижабля. В годы второй мировой войны в США, например, было построено около 160 дирижаблей. Большая часть их использовалась для борьбы с немецкими подводными лодками. Десятки тысяч судов провели тогда дирижабли через Атлантику, и ни одно судно не погибло, находясь под их эскаorted. Имели огромный радиус действия, варируя свою скорость от 0 до максимума (150 км в час) и используя мощную наблюдательную аппаратуру, дирижабли обнаруживали подводные лодки задолго до их выхода на боевой курс и часто сами же уничтожали их глубинными бомбами.

Однако значительно более широкое применение этот наиболее безопасный, всепогодный, грузоподъемный, дальнедействующий и экономичный вид авиационного транспорта может найти в условиях мирного времени.

Специалисты подсчитали, что если стоимость провоза тонны груза на километр для самолета принять за единицу, то для вертолета она составит 5,65, а для дирижабля — всего лишь 0,31! Серьезные цифры! Но в них не учтены еще стоимость сооружения аэродромов, которые не нужны дирижаблям.

Последнее соображение особенно важно, так как в нашей стране имеется немало мест, где авиация является основным средством транспорта. Однако отсутствие больших аэродромов в тундре, гористых, северных районах страны не позволяет использовать там скоростные комфортабельные многоместные лайнеры. И тут неочевидную помощь могут оказать именно дирижабли.

Дух завывающих, когда начинаешь мечтать, какие возможности могут открыться дирижаблям в деле освоения Севера и Сибири, для наших строителей, лесоводов, рыболовов, китобоев и, конечно, для ученых: метеорологов, географов, геологов, геофизиков и многих других. Если же думать об атомном дирижабле, то можно представить себе и дирижабль-ракету, а от него уже один шаг и до обитавшего спутника Земли и тяжелого космического корабля, вместительного и сравнительно недорогого. Поднимаются же сегодня воздушные шары с космическими ракетами на 20—25 километров. Ракеты там сцепляются и «своим ходом» улетают в космос.

Поднявшись на 20-километровую высоту, где сопротивление воздуха уже не будет мешать, и включив там ракетные ускорители, дирижабль сможет превратиться в спутник Земли или улететь в космос. Причем грузоподъемность у него, возможно, будет оставаться почти «взвешенной», так как для набора высоты в помощь гелию можно будет включать атомный реактивный мотор.

Но это пока еще, конечно, мечты, фантазия. К. Э. Циолковский, великий энтузиаст дирижабля, писал в своем последнем предсмертном письме, опубликованном в «Правде» 18 сентября 1935 года: «Уверен, знаю... советские дирижабли будут лучшими в мире!»

Когда Циолковский писал свое письмо, наша страна еще не располагала необходимыми запасами гелия, а техника — совершенным радиарным и навигационным оборудованием и материалами для создания прочных, газонепроницаемых, легких и дешевых оболочек.

Но теперь, когда наше государство располагает в достатке всем необходимым, мы уверены, что и это предсказание Константина Эдуардовича сбудется так же, как и сбылось его гениальное предвидение об освоении космоса советскими людьми.

Летать нашему поколению и на простых дирижаблях и на атомных!

В профессиональном боксе долгое время считалось «счастливой приметой», если боксер после удара в челюсть, нанесенного противником, вылетает из ринга. И для этого были свои основания. Однажды популярнейший американский чемпион Бенни Леонард вылетел за ринг от удара малоизвестного боксера Чарли Уайта. Выбавшийся Леонард, вернувшись на ринг, тут же нокаутировал соперника. Другой боксер, титановое Тон Шарин, дважды оказывался за пределами ринга после ударов Джо Мохави. Прерывая Шарина. Наконец, особенно много шума наделала случай с неординарным чемпионом мира Диегом Демисом. Его «выбросил» с ринга здоровый Лус Фирпо. Это дорого стоило Фирпо. Финеас-Демиса, Демис так безжалостно разбился, что своим противником.

Поддубный н... джун-джунту

Покажу, где знаменитого русского борца Ивана Поддубного не встречали с таким достоинством, как в Париже. Ведь в этом городе он одержал свои самые сенсационные победы, но раз завоевывал титул чемпиона мира.

В Париже произошла и эта история. Профессор японской борьбы джун-джунту несколько раз настоятельно вызывал Поддубного на борьбу. Тот отказывался, считая правила джун-джунту слишком зловещими (и не разрешающими любые приемы — вплоть до переломов рук и ног). Японец не унимался и стал уже открывать упрямца Поддубного в тулусты. В конце концов русский богатырь вынужден был согласиться.

И вот в цирке собралось тысячи зрителей. Вот уж действительно яблону некуда упасть. Все идет по плану — скатываясь, Поддубный и его соперник сходятся на ковре. Несколько секунд — и японцы в мощных тисках русского богатыря. Раздается крик, слышим хруст костей. Японцы припадают к ноге. Он не в силах подняться. Знаком подпадает судья: — Саваск! У меня слова кончились.

Нет, Иван Поддубный не любил говорить об этой истории.

Это не спорт, — говорил он. — Это зверство, несовместимое с великим человечеством. Нельзя выигнудить выступить по правилам джун-джунту. Но об этом я никогда и всерьез не вспоминаю, а о мошмарном све...

Счастливая примета

ЛЕД И ЦВЕТЫ

Вгляните на этот снимок: лед и цветы, зима и лето!

Недавно наш фотокорреспондент Р. Борков вернулся из Осиеца с нефтеробывающего завода — одного из крупнейших предприятий большой химии. Много замечательного увидел он здесь, и то, что смущал возраст рабочих предприятий — 24 года и то, что «старичку», главному инженеру Виктору Рабину, не исполнилось еще и тридцати, и то, что 960 работников завода учатся в мажорных высших учебных заведениях. И еще

он узнал, что на заводе вырабатывается много тепла и потому здесь без удорожания производятся огромные теплицы, в которых выращивают свежие овощи и фрукты в любое время года для заводской столовой. Здесь же растут и цветы, которые вы видите в руках Любы Артемюковой и Валю Сидоренковой.

Но не только в теплицах можно выращивать растения. Да и вообще не только в оазисе. Существует еще и гидропоника...

Скрипка в кармане

Видели ли вы скрипку, которая вместе со смычком и футляром помещается в кармане? Нет? Тогда загляните в Рижский исторический музей музыкальных инструментов.

Там рядом с миниатюрной скрипкой, которая позволяла в свое время учителя танцев, собрана ныне вышедшая из употребления виола да гамба, ретичайший набор розовых труб величиной от 20 сантиметров до 2,5 метра. Каждой такой роз издаст только один звук. Кстати, «розовые» октавы существовали в России в первой половине XVIII века.

Как прототип будущих деревянных инструментов на выставке демонстрируется роз с прерывающими отверстиями, именуемый «Иудас». На таком розе можно играть несложные мелодии.

Значительный интерес вызывают «средние фортепиано»: клавишны, клавишорды, спинеты. Здесь же демонстрируется рояль весьма необычной конструкции: его струнный корпус устроен не горизонтально, а вертикально.

Сейчас в музее собрано свыше ста старинных инструментов.

КРОССВОРД

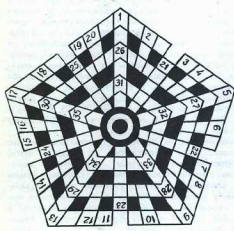
Составил Х. КУСОВ

По периметру:

1. Хлебный злак. 2. Венгерский помидор. 3. Родина М. Горького. 7. Вид художественной литературы. 9. Качественная категория продукции. 11. Верхняя часть палитры колорита. 13. Остров у берегов Америки. 15. Органическое соединение, летучая жидкость. 17. Спортивный площадка для бокса. 19. Палеонтологические находки. 21. Морская птица. 28. Крупный многоклеточный культурный центр Средней Азии. 29. Последователь диалектического метода в философии. 30. Путешественник во Восточной Азии. 31. Оттеночное тонкое различие. 32. Живой человек. 33. Веселый пионерский лагерь. 34. Тропическое дерево, семена которого используются для изготовления шоколада. 35. Знаменитый соловей.

По радиусу:

1. Счетная обложка глагола. 2. Составная часть большого. 4. Кустарник, зарепляющийся смолой. 5. Путь воздушного сообщения. 6. Река в Сибири. 8. Воинский род. 9. Железнодорожный поезд. 10. Город, в котором проводены XVII олимпийские игры. 12. Настоящий сплетитель. 13. Свод законов. 14. Гигантский удав. 15. Книга, посвященная осужденности. 17. Руководитель высшего учебного заведения. 18. Повесть И. В. Гоголя. 19. Приток Печеры. 21. Центр золотодобычи и горнопромышленности Индии. 22. Заведение магистратуры индукции. 23. Приток Инды. 24. Часть удава. 25. Пособие для навигации.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАННЫЙ в № 7

- По горизонтали:
1. Пшеница. 5. Астраханская. 8. Галлактика. 13. Эверест. 14. Степь. 15. Корея. 18. Рева. 19. Ветланин. 20. Федот. 24. Калита. 25. Фобос. 30. Ион. 31. Апо. 32. Флора. 34. Курузинский. 35. Град. 36. Венера. 37. Афина. 38. Радиссон. 39. Танаи. 40. Либрация. 41. Книжка. 43. Врза. 44. Иппик. 45. Ныр. 46. Ассон.
- По вертикали:
1. Пина. 2. Ята. 3. Дравон. 4. Ракета. 6. Сатурн. 7. Кавказ. 8. Альберто. 10. Анне-Мария. 11. Меридиан. 13. Шеф-д. 14. Сетлево. 15. Аргон. 17. Рефальд. 20. Пелегит. 21. Лира. 22. Намос. 29. Врза. 31. Селванье. 38. Тагарит. 39. Мечовит. 39. Индик. 43. Лунич. 44. Кыздалтай. 37. Арджаря. 42. Шимит. 43. Брэдлей.

ОХРАНЯЕМЫЕ ЗАКОНЫ

Всю медведя, как раз перед мойм приездом, полярная станция архипелага Северной Земли сняла в трюмезе. В ста шагах от здания, прямо на бере, лежало несколько замороженных нерп и белух — живые записки корма для восьмьри эвонных собак. И вот на этот корм неожиданно стали претендовать медведи. Справедливо белух была нукура, а медведю убивать запрещено: этот редкий зверь охраняется законом. Мы решили отогнать медведя, спуска на них собак. Так и поступили при очередном набеге медведя и двух псунов. Выхватив фотоаппарат, я успею снять эту сцену.

В. ГУЗОВ

Э то называется «Гидропоника»

Облагодетель ли растениям земля? Могут ли их корни брать питательные вещества непосредственно из воды?

Могут. Такой способ выращивания называется гидропоника.

Известно, как сложно ментить землю, в парниковых хозяйствах. Да и земля должна быть хорошей. Значительно проще засыпать в лотки мелкие камешки или просто песок и залить их водой с растворенными в ней химическими удобрениями. Раствор проточный. Состав его можно изменять и таким образом управлять развитием растений: значительно ускорить их рост, втрое-четыре увеличить урожай плодов.

У нового метода много преимуществ. Вода, например, как ни странно, расходуется втрое меньше, чем на полив грядок, но нужны прополка, рыхление почвы. И, наконец, для обслуживания такого хозяйства требуется значительно меньше рабочих рук.

Особенно перспективна гидропоника в тех местах, где мало плодородной земли, — на Крайнем Севере, в гористых местах.

На с и м к е: оранжерей Никитского ботанического сада, где проводится опыты по освоению нового метода выращивания растений.

Фото В. ТОНКЕЛА.

Интересная коллекция музыкальных инструментов народов Центральной Африки, Индии, Китая, Южной Америки собрана и в антропологическом музее МГУ имени М. В. Ломоносова. Многие из них пережили долую и интересную историю. Вот, например, мусийская раба — пластичный щипковый инструмент начала XIX века. Прежде чем попасть в экспозицию, раба побывала в одном из немецких музеев, затем — в Дашковском музее Гуманитарной публичной библиотеки, а сейчас находится в реставрации у лаборанта научно-исследовательского ц о института антропологии Бориса Горшкова.

С. Д. К. О. С. необычные попытки предотвращения несчастных случаев предпринимались на заре автомобильной. Так, в Англии с появлением первых автомобилей на улицах городов был принят следующий закон: «Механические кареты в городе должны ездить со скоростью, не превышающей 3 километра в час. За городом разрешается скорость до 5 километров в час. В плотно заселенных районах впереди каждой такой кареты обязательны должны идти человек с красным флажком».

А французский инженер Арналь изобрел своеобразный «спасательный круг» для незадачливых пешеходов. Он повесил впереди радиатора автомобиля обычную сетчатую илеть наподобие детской кроватки. «Случайно обитый пешеход только упадет туда, и с ним ничего страшного не случится», — примерно так рассуждал изобретатель.

С. Д. К. О. С. оригинальные часы были у знаменитого шведского ботаника Карла Линнея. Часы представляли собой обычную цветочную клумбу. Известно, что некоторые виды цветов «пробуждаются» и «засыпают» в строго определенное время. Это и позволило «спустроить» часы Линнея. Цветы на клумбе были расставлены так по ходу солнца, что в ясный день время можно было определить в любой момент с точностью до минуты. Часы ботаник уносил своих гостей, определяя «точное время, не глядя на часы: ему достаточно было бросить взгляд из окна на клумбу».

С. Д. К. О. С. парадоксальное явление существует в природе — это рыба-фонарь (иглокоп агасизия); она освещает себе дорогу фосфоресцирующей головой, но у нее нет глаз.

С. Д. К. О. С. первый карандаш, которым мы его знаем теперь, появился в Англии в 1560 году. Прототипом карандаша явились свинцовые и серебряные штифты, вставляющиеся в специальные металлические зажимы.

Штифты известны с XII века. С XIV века получили широкое распространение так называемые итальянские карандаши (из черного глинистого сланца, впервые изобретенные в Италии), а с XVI века — графитовые. Русское слово «карандаш» состоит из двух тюркских слов «кара» (черный) и «шаза» (пламенный).

С. Д. К. О. С. необычные духовые инструменты из стекла изготовлены в 1934 году датским стеклодувом Гуго Йохансеном по собственному рецепту, который он до сих пор держит в строгой тайне. На этих инструментах играют небольшие группы музыкантов в Дании. В своеобразном оркестре есть свои трубки, тромбоны, валторны и много другое. Нет только барабана. Выступления оркестра пользуются у публики большой популярностью.

Собрал С. Ф. РОДОВ.

Понимающее... стекло

В США изобретен новый состав стекла, сквозь которое можно спокойно наблюдать самые яркие вспышки. Интереснейшей особенностью этого открытия является тот факт, что явля-

ется хорошо пропускает лучи нормальной яркости, а лучи повышенной яркости, опасные для зрения, проходят сквозь него с большим ослаблением: кристаллы стекла становятся фильмом.

ел конгресс Национальной федерации студентов Канады. В маленьком университетском городе Института, расположенном на берегу Онтарио, одного из пяти Великих североамериканских озер, собралось примерно полтора десятка делегатов, представлявших более тридцати канадских университетов.

Мрачными серые здания из традиционного известняка напосредствии старинные выгнанные здания, хотя им было лет восемьдесят, не больше.

В гулком актовом зале проходила основное заседание конгресса. Делать что-то было за длинными столами, расположенными в виде каре, много курили и внимательно прислушивались к тому, что доносилось из аудитории.

Выступили и мы, совсемские наблюдатели на конгрессе. Через минуту был объявлен перерыв, и мы тут же попали в окружение делегатов. Мы обступили со всех сторон, посылая град вопросов. Они были самые разные: тольковые и наивные, благожелательные и провакционные.

— Почему совсемские студенты не борются за разоружение? — вынырнул вдруг из толпы маленький, худой человек в очках, говорящий с явным иностранным акцентом.

Пришлось объяснять, чем занимаются совсемские студенты, как они борются за разоружение конкретно, а не на словах, как, например, делает Студенческий совет СССР. Человек неидеально пожелал планчик и, злобно сверкая глазами, исчез за спинами своих коллег.

Несколько в стороне от окружающих нас студентов стоял высокий черноволосый мужчина. Он внимательно прислушивался к разговору, иногда иронически улыбаясь из-под черных усов, словил наперед язык, что мы сидим дальше, а ладяны его пиджака, так же как и у нас, была припрятана обернутая в целлофан маленькая бумажная табличка, на которой располагались имя ее владельца, и чуть пониже — короткое, но выразительное слово «обсужрвер» — «наблюдатель». Кажется, он твердо решил придерживаться своего статуса — молча наблюдать. Но когда мы уже заканчивали свой короткий расказ, он неожиданно вмешался: Скажите, кто вы? Кто занимается Советский комитет защиты мира?

Вопрос нас обрадовал. Он дал возможность рассказать канадцам о некоторых вещах, о которых им в общем-то нечасто приходилось слышать.

Продолжая разговор, мы вышли на улицу. Кого-то вдруг тронул меня за руку. Я оглянулся. Это был тот самый черноволосый наблюдатель.

— Хилло, как чувствуете себя? — Ничего, — отвечаю, — пока неплохо.

У него оказалось русское имя — Дмитрий. Но он черноволосый не только. Впрочем, в Канаде, куда в конце прошлого века эмигрировали порой целые деревни из западных губерний царской России, русские и украинские имена нередкость. На костюме Дмитрия пониже слова «наблюдатель» мы прочли: «Объединенная университетская кампания за ядерное разоружение, Монреаль».

— А знаете, — продолжал Дми-

трий нетерпеливо, — специально задавал вам тот вопрос о Комитете защиты мира. Я в общем-то хорошо знаю, чем они занимаются, у нас с ними небольшие связи, но ведь эти парни, которые стояли там, ни о чем подобном понятия не имеют, им ведь заровно лень было бы узнать, что такое Комитет после Кингстона? В Оттаву не собираетесь?

Мы ответили, что постараемся побывать и в Оттаве.

— И мы действительно увиделись. На четвертый день пребывания в Кингстоне Дэвид Хилл, студент Кембриджа, неожиданно предложил нам поехать вместе с ним в Оттаву — к нему домой. Мы с удовольствием согласились.

Оттава — город небольшой, очень красивый, очень зеленый и совсем английский. Много церквей, старинных зданий в традиционном британском стиле.

Сначала мы услышали приветствие на центральную площадь, и мы омычались прямо перед зданием парламента. Здесь нас и поджидала неожиданность.

Сначала мы услышали всеобщее лесно. Бе распеваля около 50 девушек и ребят под аккомпанемент банджо и гитары. На ступенках широкой лестницы, торжественно поднимавшейся к главному парламентамскому зданию, располагались большая группа молодежи. Песен летели над цветорой площадью. Среди них были боевые рабочие марши и веселые шуточные куллеты. К лестнице со всех сторон тянулись люди. Подходяли цветя саамы, любознательные рассматривали самодельные плакаты, приклеенные к скамейкам, к гранитным перилам лестницы, просто сложенные в кучу на тротуаре, а в некоторых шагах от пешей молодежи. На плакатах надписи: «Война бессмысленна!», «Долой ядерное оружие!», «Канаде не нужно ядерное оружие!». Были призывы и иного характера, пронизывающие несколько ироничным юмором: «Не забудьте заранее купить зоник для вашего бомбоубийцы». «Лучше могли бы, чем бомбоубийцы, вам не найти». Неподходял стоял маленький автобусик, тоже весь оклеенный лозунгами и плакатами. Над всем этим возвышалась несколько длинных бамбуковых палок с натянными между ними большими кусками обаянного белого полиэтилена, на которых крупными черными буквами было выведено: «Объединенная университетская кампания за ядерное разоружение».

Тут же из-за угла парламента показалась другая группа молодежи — человек сто пятьдесят. С плакатами в руках они митировали вокруг площадок и парламентских зданий. Некоторые из них несли эмблему кампании — белый неправильной формы крест, заключенный в круг на черном фоне, — своего рода предупредительное о том, что ожидает людей, если они будут так же спокойно стоять в стороне, бучачукий и не участвуя в этих ребятах, за их борьбой, как некоторые из тех, которые пришли в этот день в парламента побояваться на свое пришлое.

И надо сказать, далеко не все оставалось равнодушными. Многие подходили к группам плакатов, вытирали дождь с лобов, а некоторые заглядывали в ряды демонстрантов. Подошла молодая женщина с дет-

ской коляской, поставила несколько минут, потом подняла плакат «Долой ядерную войну!», приспосабила его к переводу коляски и вскоре затерлась в общем потоке.

А люди все шли и шли. Большая часть студентов, но в ногу с ними упремо маршровали и седые и совсем все подростки. Уставшие присаживались прямо на траву, на их место вставали новые, а поток людей все двигался. Многие были одеты в шерстяные свитеры, на траве были разбросаны разноцветные куртки, шарфы. Суя по всему, ребята пикетировали парламента и ночью.

Один из парней прикинул самым большой антивоенный лозунг к крыше автомобиля. К нему направились было полицейский в казарменной форме, но машина уже умчалась под одобрительные возгласы окружающих. Полицейский буркнул что-то из-под надвинутой на глаза широкополоской шляпы, поставил ногом, потом вернулся на свое место.

И тут я увидел Дмитрия. Он подошел к нам и заговорил слегка скрипящим голосом. Красные от недосыпания глаза немного уставало смотрели на нас. На щеках была заметна щетина.

— Поминго, я вам говорил, что мы готовим демонстрацию протеста против планов вооружения канадской армии ядерным оружием, против размещения на ее американских ядерных баз? Так вот,

Кавбека. Ребята спешат к нам отослужу. Немного, правда, уставшие уже, — добавил он. — Ночью было холодно, почти не спали. Зато вчера удалось вручить петицию членам парламента.

— Ну, а вы что стоите, как я мучаю? — повернулся он вдруг к сопровождавшим нас в позезде студентам, представителям студенческой федерации Канады.

— Вам, студенческим функционерам, надо было бы сейчас быть здесь с нами, а не заниматься пустыми разговорами, надо было бы привести сюда с собой еще людей.

— Мы не занимаемся политикой, — очень внятно произнес Дэвид Хилл.

— Вы что, этим гордитесь? — Дело не в гордости. Мы просто тут не занимаемся.

— Кто это мы?

— Вы прекрасно знаете, кто я имею в виду, — федерация студентов Канады. Мы не участвуем в этом движении.

— Это я, и сожалению, знаю.

— Дмитрий! — позвал его кто-то из группы.

— Извините, я должен идти. Приходите завтра. нас будет еще больше!

Мы подошли к сложному и автобусному кампанию, еще раз внимательно осмотрели их. В самом низу увидели один-единственный грязный кусок фанеры с небрежно наклеенным антивоенным лозунгом. Кусок этот лежал

В Оттаве мы снова встретили Дмитрия.

второй день маршуровки. Сначала было всего несколько сот ребят. Сейчас примерно тысяче, но ведь еще подкрепления из Монреаля,

в самом низу, но на достаточно видном месте.

Мы отошли в сторону и еще некоторое время стояли, иногда поглядывая на сложенные плакаты. К ним подходили еще новые люди, брали их и присоединялись к процессии. Но ни одна рука так и не дотронулась до фанерной фальшкнижки. Дотронулся кто-то: какой-то ражий парень просто отшвырнул в сторону этот кусок фанеры.

Мы еще раз взглянули на густую цепочку людей, лестной змейкой выходящую среди зеленых газонов площади. Наши хозяева снова заторопились.

— Не обращайте на нас никакого внимания, — произнесла Мари, подруга Дэвида, — это не типично для канадских университетов.

— Вы так думаете?

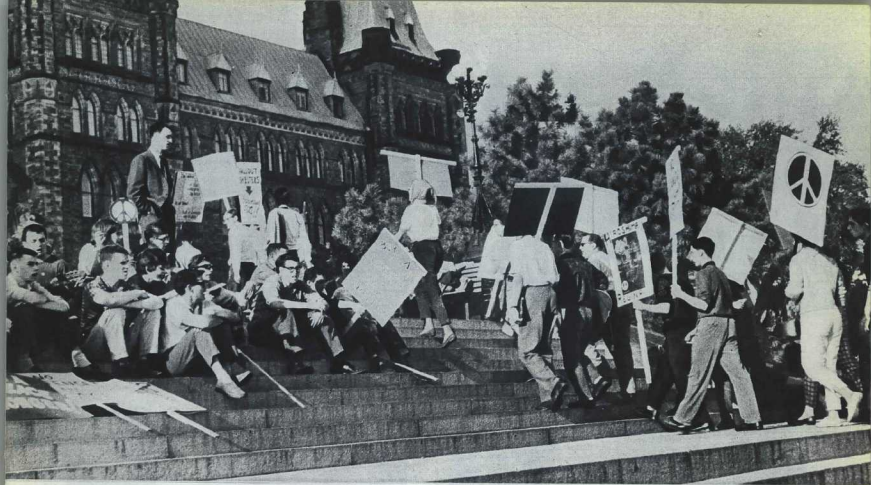
— Конечно, ведь их же совсем мало, и они...

Она не успела договорить, как прямо перед нами с равом заторопились огромный автобус с табличкой «Монреальский университет на ветровом стекле, и из него, как горох, высыпались человек сто ребят, которые тут же, высоко над их головами, начали выкладывать с собой плакаты, динулись по направлению к общему потоку людей.

Мы выразительно посмотрели на Мари. Так мы и не узнали, что она хотела сказать.

Нам не удалось встретиться на

ПАРЛАМЕНТА

следующий день с нашими новыми друзьями у стен парламента. И лишь к вечеру, возвращаясь в машине домой, мы услышали передачу последних известий. Из радиоприемника вдруг раздавался мягкий, спокойный голос Дмитрия: — Сегодня нас уже около двух тысяч. И было бы значительно больше, я уверен, если бы демонстрация продолжалась еще пару дней. Но мы уже и так сделали немало: собрали людей из очень многих университетов, вручили петицию в парламент, привлекли к себе внимание общественности — это главное.

— Сколько длится ваша демонстрация? — спросил репортер.

— Через два часа будет трие суток, как мы не отходим от стен парламента.

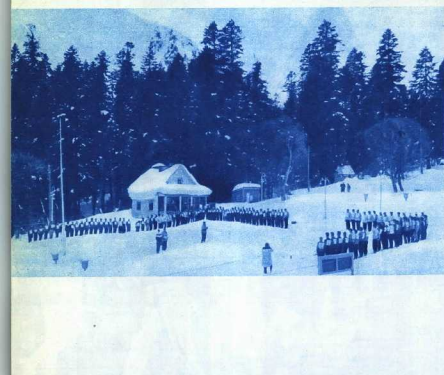
А через секунду мы выключили приемник, откуда возникла неприятная песенка под названием «Я люблю кофе, ты любишь чай».

Мы были там, у парламента, вместе с ребятами. Кутаясь от вечерней прохлады, они продолжали петь, топать уже, наверно, сильно охрипшими голосами, свои боевые песни, а их товарищи все шли и шли, упорно неся над головами лозунги, в которые они верили, за которые готовы были бороться.

А. ЛЕБЕДЕВ

Под стенами кивандского парламента впервые с такой силой звучит решительный голос молодежи: «Война — это безумие!»

Фото автора.

"АЛИБЕИ"

Фото В. ГИППЕНРЕЙТЕРА.

А омбайскую поляну называют «Межучиной Кавказа». И вполне заслуженно! Стоит раз поблужать в Домбае, чтобы убедиться в этом. Горные ели, буковые и кленовые леса, бурные реки. А над ними — незабываемые по красоте горные вершины...

Меся синев-синев. Солнце привалитовое, горячее. Что может быть прекраснее этого! Под солнцем тепло — прямо хоть загорай. А в тени холодно, так что авиашасть от озноба. Снегов, зима и весна одновременно. Не случайно в Домбае повсюду можно встретить типичных представителей зимы — лыжников. Но как они выглядят! Частенько совсем без рубашек! И уши почти всегда их рубашки застеганы так, что видны отлившие бронзой загорелые уши и даже спины спортсменов...

«Межучина Кавказа». Здесь расположен альпинистский лагерь «Алибеи» — один из красивейших уголков Домбая. Недавно этот лагерь стал сильнейшим спортивным студентами.

Много пришлось потрудиться работникам лагеря, чтобы привелись встретить горнолыжников и уютнее разместить их на базе. Ведь никогда прежде в «Алибеи» не съезжалось столько спортсменов! И хозяевам было приятно услышать от гостей слова благодарности: горнолыжники создали все условия для тренировок и отдыха.

И вот застегивая флаги трасс на альпийских склонах Семенов — Ваши, ритмично заработали подъемники. Слово по заказу, выпал снег. Спортсмены утраивали его и приступили к тренировкам. Рельеф оказался непривычным. И снег совсем не такой, как, скажем, в Бакурчани или Алма-Ате.

— Что, в Домбае хуже? — тревожно спрашивали хозяева.

— Нет, что вы, рельеф и снег здесь просто замечательней!

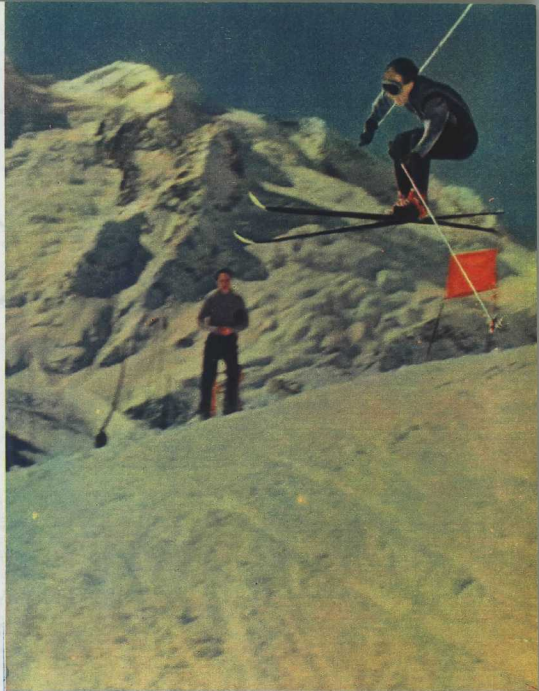
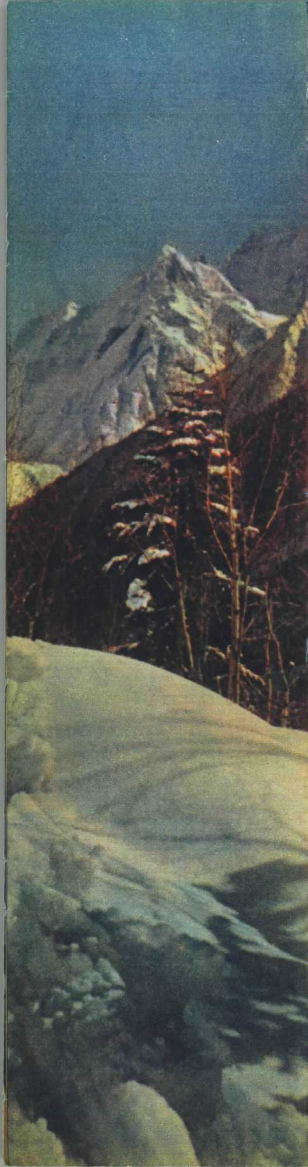
Как же прошли соревнования? На них съехались всезнающая коллегия самых различных высших учебных заведений страны. Более ста горнолыжников и борьба была острой, захватывающей. В личном зачете наилучших результатов у девушек достигла Нина Александрова (МВТУ), Яна Горбунова (СКИФ, Москва) и Соия Горская (СКИФ, Ленинград). Среди мужчин сильнейшими оказались Анатолий Шевцов (СКИФ, Москва), Рудольф Басилава и Михаил Алексеев (оба СКИФ, Ленинград). А в командном зачете здесь первенствовали спортсмены МВТУ. На втором месте — горнолыжники Свердловского горного института. На третьем — команда МАИ.

Быстро пролетели дни соревнований. Они были веселыми, увлекательными. Спортсмены с грустью прощались с «Межучиной Кавказ», Кабардино-Балкарией, хотели снова поблужать в альпинистском лагере «Алибеи».

А почему бы и апрель не сделать «Алибеи» постоянным местом соревнований горнолыжников? Для этого не так уж много нужно сделать. Необходимо освоить верхнюю часть склонов под вершиной Семенов — Ваши, построить более мощные подъемники и приспособить альпинистский лагерь для приема большого количества спортсменов... Слово за спортивными руководителями. Мы же вместе со спортсменами монета только пожелать:

— Составившего старта, горнолыжный «Алибеи»!

ТОПИК

Олимпийские игры 1960 года стали достоянием истории. Во многих государствах уже жгут костры дымовых костров, а очередные IX зимние Олимпийские игры, которые состоятся в Инсбруке, и XVIII летней Олимпиаде в Токио.

...Каких результатов мы ожидаем от спортивной нашей страны на Олимпийских играх 1964 года? Как вы оцениваете свои личные выступления? Каковы ваши планы? Каковы результаты вы надеетесь показать на Олимпийских играх 1964 года?

Вот перечень вопросов, с которыми мы обратились к ряду известных спортсменов и спортивных деятелей. Сегодня мы публикуем присланные в редакцию ответы любителей, руководителей национальных олимпийских комитетов и международных федераций.

Дэвола ХЕДИ, президент Венгерского олимпийского комитета

Олимпийские игры в Риме доказали: нет азота и нет пределов в развитии спорта! Я уверен: в последующие годы мы будем свидетелями новых блестящих мировых рекордов и выдающихся достижений. Ведь спорт по-прежнему является для нас новым источником во всех успехах зимнего спорта. Неустойно совершенствуется и методика тренировки спортсменов.

Венгерские спортсмены мужественно выдержали испытания, которые в Риме мы и продолжили, несмотря на сильнейших соперников, славящихся своей соотнесенностью с благородными традициями венгерского спорта. Тот факт, что наши спортсмены заняли первые места и показали прекрасные командные результаты, говорит сам за себя и вызывает уважение венгерских любителей спорта. Лучшие спортсмены Венгрии заняли ведущие места в олимпиадском видеке, что является еще одним проявлением всеобщего интереса и широкого виду спорта в нашей стране. Особенно следует отметить наших пловцов, гребцов и фехтовальщиков, которым принадлежат главные доли успехов.

Однако, как и на предыдущих играх, не все наши надежды оправдались. Одна из основных причин заключается в том, что мы неправильно оценили силы соперников. Другими словами, соревнования по некоторым видам олимпийской программы проводились на более высоком уровне, чем мы предполагали. С другой стороны, некоторые участники выступили ниже своих возможностей из-за неправильной обстановки соревнований. Вместе с этим следует учесть, что на столь крупных соревнованиях, как Олимпийские игры, редко удается предвидеть процентов своих возможностей можно считать хороших результатов.

Особое разочарование принесла нам команда велосипедистов, которую мы прочли в чемпионы. Нам следовало учесть тот факт, что и в этом виде спорта произошла значительная именован. Наша команда не смогла показать игру, необходимую скоростью, разнообразием приемов и самобытностью.

Мы изучаем опыт тренировок на Олимпийских играх в Риме, и наши лучшие специалисты приносят все силы, чтобы обеспечить спортсменов более хорошей подготовкой. Я полагаю, что на предстоящих Олимпийских играх венгерские атлеты поддержат спортивные традиции своей страны и окажутся в верхней части таблицы результатов.

Эдгар Э. ТАННЕР, генеральный секретарь Австралийского олимпийского комитета

В основном мы довольны выступлениями наших спортсменов в Риме. В частности, победил Херберт Зилдот на дистанции 1500 метров и выигралм троеборье — командного проекта по конному спорту. Однако были и огорчения выступлениями некоторых наших спортсменов. В Токио мы имеем на болейший, чем когда бы то ни было, успех.

Бобби МАРРОУ, американский легкоатлет, чемпион XVI Олимпийских игр

С удовольствием вспоминаю Мельбурн, где я дебютировал на XVI Олимпийских играх. Там 7 летя были интересней встречи со спортсменами многих стран мира. За римской Олимпиадой я следил уже в роли спортивного болельщика. В течение многих часов, не отрываясь, наблюдал за поединком по прыжкам в высоту моего земляка соотечественником Дьюном Томасом и тремя прыгунами из России. Это было напряжением и захватывающее состязание. Оно произошло на очень огромном впечатлении...

Американские спортсмены в 1960 году в целом выступили хорошо. Однако в Риме их успехи не достигли желаемых результатов. С огромным интересом наблюдал я за выступлениями спортсменов СССР. По моему мнению, работа русских атлетов в Риме была чудесной. Они проявили максимум силы и победил. Следует сказать, что высокий уровень спортивного мастерства русские демонстрируют уже на протяжении многих лет и славятся превосходство, которое покажут, сохранят по 1964 году — до Токио, где будут проходить XVIII летние Олимпийские игры.

Время летит быстро. Взгляд спортсменов моего мира обращен сейчас к стране восходящего солнца, где состоится очередная Олимпиада. Пока очень трудно предсказать, что произойдет на Олимпиаде 1964 года. Однако я не сомневаюсь, что в период подготовки и проведения очередных игр рекорды по многим видам спорта будут обновлены.

Я твердо убежден, что Олимпийские игры имеют большое значение для олимпийцев и граждан, которые являются зрителями, через которую спортсмены на всех уровнях земного шара приходят на состязания, протекающие в дружественной обстановке. В олимпийской деревне спортсмены имеют все возможности для обмена мнениями, ознакомления с жизнью и обычаями других народов. Где, как не на олимпиадах, можно так близко и быстро познать друг друга? И я уверен, что эти дружественные взаимоотношения спортсменов различных стран с каждым годом будут шириться и развиваться.

Марел ХЕЙСС-ДЖЕНКИНС, американская фигуристка, чемпионка VIII зимних Олимпийских игр

Как оценить олимпийский 1960 год с точки зрения дальнейшего развития международного спорта? Он показал, что можно достигнуть друг друга. Чтобы международный спорт мог играть еще большую роль в объединении, дружбе и взаимопонимании молодежи разных стран, спортсменам нужно и вперед продолжать так же честно и привлекательно выступать.

Американские фигуристы выступили в Сидней в яркой форме. Они выступили лучше, чем когда-либо. Если говорить об олимпийской команде в целом, то лучшей была команда Советского Союза. И в будущем году команда Советского Союза будет лучшей, чем в предыдущем.

Я полагаю, что в ближайшем будущем сильнейшей командой мира станет голландская Сьюза Дайвстра.

Такес ОНО, японский гимнаст, обладатель серебряной медали XVII Олимпийских игр

Японские гимнасты почувствовали наконец свою дальнейшую очередь: выиграла командное первенство на XVII олимпийских играх в Риме в острейшем единоборстве с сильнейшими гимнастами мира — советскими спортсменами. Я уверен, что и в Токио основными соперниками в борьбе за общесоюзное первенство в гимнастике будут спортсмены СССР и Японии. Я должен сказать, что Б. Шахлин, Ю. Титов, А. Азарин и молодые члены русской олимпийской команды выступили в Риме отлично. Безусловно, мы имели сильную оию будут выступать и в Токио!

Ничего о себе. Я очень занят. Работая с 9 до 5 часов дня в компании по изготовлению искусственных тканей. Тем не менее усиленно готовлюсь к очередному первенству мира в Праге. После работы — пять раз в неделю — тренируюсь по два-три часа. Это, безусловно, для меня перерывом. Однако непосредственно перед Олимпийскими играми и мировыми чемпионатами вместе с членами нашей национальной команды буду тренироваться еще больше по три-четыре часа в день.

Очень многого от Олимпийских игр в Токио я ожидать не могу. Ведь на мировой спортивной форум выступят сильнейшие гимнасты всех стран, что в вопросе об олимпийских медалях остается открытым.

Представь всем любителям гимнастики нашей страны. Да, видел по телевидению фильм о наших гимнастах. Они превосходны!

Антти ТОРВЯЙНЕН, финский спортсмен, обладатель серебряной медали VIII зимних Олимпийских игр по биатлону

Готовясь и будучи стартам, не могу не вспомнить о незабываемом олимпийском годе, который вполне удовлетворен. Ведь для меня состязания в Сидней были первой олимпиадой. Принимая участие в них, я впервые славил для своей страны, добой в единоборстве с сильнейшими спортсменами мира.

Как я готовился к состязаниям? Мои тренировки проводил в основном в лыжном беге. Летний период тренируюсь в нормальной стрельбе с трех позиций и участвую в соревнованиях по лыжному бегу, подготовке к лыжному бегу.

Инсбрук, 1964 год. IX зимние Олимпийские игры уже впереди. Как вы относитесь к участию в них? Я уверенно могу сказать, что участие в них — это большая честь и возможность для спортсменов мира, которые должны сделать больше успехов ветеранов и молодых спортсменов. Тем не менее я уже пытаюсь дерзнуть курс на Инсбрук.

Я выражаю надежду, что на Олимпийских играх в Сидней вновь встретятся на играх 1964 года в Инсбруке. И надеюсь, что в будущем году в спорте мира советскими друзьями.

Ильза КОНРАДС,
аустралийская пловчиха,
завоевавшая четвертое место
на XVII Олимпийских играх

Подготовка к Риму взяла у меня так много времени, что я даже отложила свое любимое занятие — коллекционирование марок. Я считаю, что олимпиада прошла очень успешно, на высоком спортивном уровне.
Мои планы на будущее? Очень хочу принять участие в XVIII Олимпийских играх. Постараюсь выступить в Токио успешнее, чем в Риме.

Александр КУРЬНОВ,
советский штангист,
чемпион XVII Олимпийских игр

Радуется, я и не могу быть недовольным своими выступлениями в Риме. Победа над популярнейшим американским штангистом — Томми Ноно — большой успех для меня. Ною тоже выступил неплохо, хотя его результат в троеборье мог быть и выше.
Лично я рассчитываю побывать и в Токио. На будущей олимпиаде думаю подняться в сумме троеборья 450 килограммов. Каное займу место? Это будет зависеть от сил и подготовленности моих соперников. А они, думаю, тоже готовятся к победным достижениям.

Эвви ХУТЕНЕН,
финская конькобежка,
обладательница бронзовой медали
VIII зимних Олимпийских игр

Для меня было приятным сюрпризом узнать, что советские любители спорта интересуются мной и моими планами на будущее.
Нисбург — слишком давное направление, и говорить о планах перед играми можно лишь предположительно. Я очень довольна коронкой олимпийским годом. Однако буду ли я участвовать в состязаниях в Нисбурге, сказать трудно. По всей вероятности, нет. Если мне будет выступать, то постараюсь подготовиться как можно лучше. Для дальнейшего и тренировочного времени еще два года.
После же я впервые сердечный привет своим русским друзьям, особенно Риме Жуковой, Тамаре Рыловой и Лидии Соболиковой.

Берт ИСАТИШ,
президент Международной
федерации по
катанию на санях

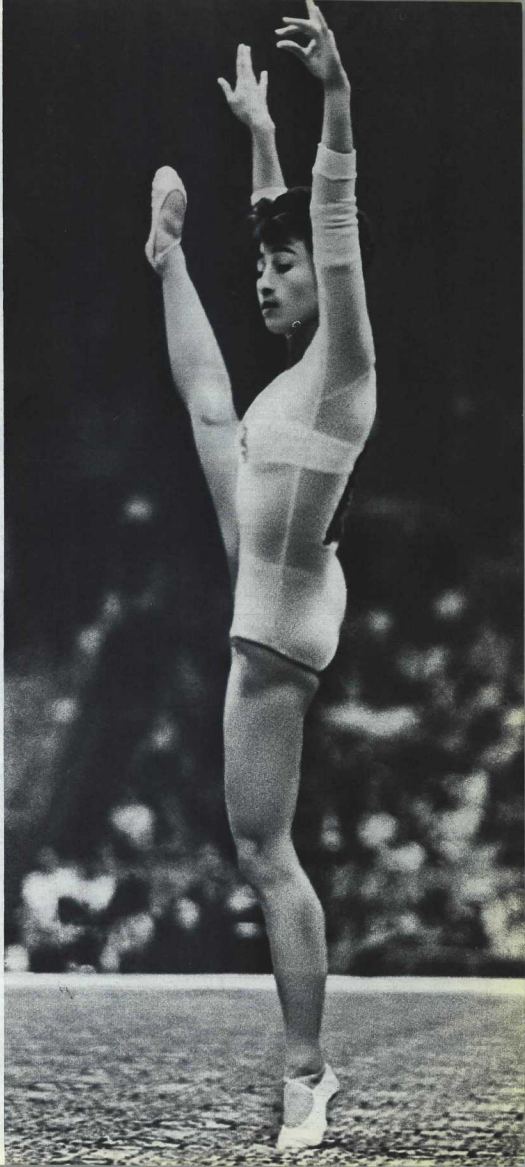
В нашем виде спорта появился прогресс, и страдно сознавать, что санный спорт находится presently в качестве олимпийского вида. Наша федерация стремится именно учесть идеи Олимпиа. Основная работа в ближайшее время заключается в подготовке к IX Олимпийским играм в Нисбурге. В ближайшие два года, которые нам оставлены для подготовки к IX Олимпиаде, мы будем заниматься организационной работой и подготовкой спортсменов и гонок на санях.
Добавлю, что это будет нашим первым участием в Олимпийских играх. Мы будем очень рады, если советские спортсмены тоже примут участие в соревнованиях по катанию на санях.

Мария ШУБИНА,
советская спортсменка,
чемпионка XVII Олимпийских игр
на байдарке-двойке

Своими выступлениями в Риме я очень довольна. Рада, что оправдала надежды наших болельщиков, завоевав золотую медаль вместе со своей напарницей Антониной Серединой. Наши основные соперницы были члены объединенной команды Германии Ненц и Хартманн. В финальном заезде немецкая команда выиграла очень немного. Наши соперницы — одновременно и наши друзья. Мы с Антониной Серединой от души желаем им дальнейших спортивных успехов.
Сейчас я готовлюсь к озерному первенству Европы. XVIII Олимпийские игры еще далеки. В этом времени мой сил уже падает в шпору. Если у него все будет хорошо с учебой, я смогу заниматься спортом до-прежнему усердно и, естественно, буду стремиться войти в состав сборной команды СССР для выступления в Токио.

Как легко и непринужденно выполняет девушку сложное движение! В нем и грация и истинное владение! Ирина Перушина — студентка из Воронежа, член сборной команды СССР по гимнастике.

Фото А. БУРДУКОВА.

Б. ТКАЧЕНКО

РИСУНОК Г. СУНДАРОВА

П РА С С К А З

НЕУЗВЯМЫЙ ТРАВКИН

Удивительный человек Травкин. Я люблю его еще по школе. Бывало, встретит меня перед началом урока и скажет:

— Привет, старик! В кино идем?
 Что ты! Как же можно контролировать диктант прогуливать?
 Ну, не пугаю тебя! Писши диктант. А я, пожалуй, в кино прогуляюсь...

Я пишу диктант а думаю о том, что будет делать Травкин, если его замечают по школу. От страха за него я делал ошибки в тетради, и на следующий день классный руководитель возмущенно говорит мне:

— Если так будешь заниматься, скоро Травкина догонити. Он у нас такой джентльмен и прогуливал, что о нем и говорить не стоит. А ты — другое дело. Завтра же приведи своих родителей!..

Травкина мне ставили в пример и в институте.

— Не будите вы таким, как Травкин, — убеждал меня некой преподаватель. — С него я не спрашиваю, потому что с таких лентяев и спросу нет. А вы — другое дело. Вам я не могу поставить зачеты...

После института наши пути разошлись. Я, как надеющийся на надежды молодой специалист, был направлен на периферию, а он, как специалист безнадежной, направления не получил и остался работать в столице.

Спусти три года мы снова встретились. Мои периферийные заслуги выдвинули меня на должность сотрудника в том самом учреждении, где давно уже работал Травкин. Осваиваясь на новом месте мне пришлось самостоятельно, так как Травкин к моему приходу обнаружил какую-то хворь в своем организме и на все лето уехал на Кавказ.

За время его отсутствия я сумел зарекомендовать себя так, что сам Лев Ягурович, наш грозный начальник, вы-

звал меня к себе и, пожимая руку, сказал:

— Я очень доволен вами. Вы оказались способным и дисциплинированным работником, но то, что ваш приятель Травкин, которого давно пора гнать в черную собыль...

После этих слов я начал серьезно оспаривать за себя своего служебное положение некоего старшишки. А вскоре он приехал на отпуску. И тут началось!

— А где Травкин? — спросил Лев Ягурович, собрав нас для очередного оперативного разбора.

Отвечом ему была гнетущая тишина.

— Где Травкин? — продолжал вопрошать начальник. — Может быть, он думает, что ему не обязательно ходить на оперативки?

— Я знал, что Травкин изменю так и думает, но молчал, боюсь пошевелиться.

— Так вот, — закончил Лев Ягурович. — Пусть заработает себе на носу, что нарушил дисциплину ему здесь никто не позволит. Если ему не нравится наши порядки, он может совсем сюда не являться...

Но Травкин явился. Он пришел часа через два после того, как закончилась опера-

тивка, и показав нам веселый фокус со спичками.

Нам, однако, было не до фокусов. На утреннем совещании всем адресовано достало от Льва Ягуровича, и мы работали во все лопатки.

— Выкальваете? — ухмылялся Травкин, гуляя между столов. — А на углу шамшайки. Карские Дымом пахнут!..

Я хотел рассказать ему про утренний скандал на совещании, но он опять куда-то пропал.

— Не приходишь Травкин? — спросил Лев Ягурович, заглянув в нашу комнату.

— Только что был, — ответил я, — и ушел.

— Куда?

— Откуда я мог знать, куда ушел Травкин!

— Он, очевидно, думает, что может уходить с работы, когда ему заблагорассудится! — вопилев Лев Ягурович. — Но пусть учтет: самовольничать ему здесь никто не позволит!..

Первая страница обложки: «Мы молодые хозяева земли...»

Фотопланшот Г. ДУВИНСКОГО и О. ВУКОЛОВА.

Четвертая страница обложки: Весна.

Фотоотвод А. ВУШКИНА.

П И Ш И Т Е Н А М П О А Д Р Е С У:

Москва, Е-56, Спартанская, 2-а.

З В О Н И Т Е П О Т Е Л Е Ф О Н А М:

Коммутатор Е 1-70-20.

Для справок — доб. 2-49; отделы литературы и искусства — доб. 2-15; оетера и публицистики — доб. 3-52; междугородной жизни — доб. 3-41; фотолитургия и сюжета — доб. 3-44; юмора и сатиры — доб. 4-79; песни — доб. 2-53; печать и полиграфия — Е 1-65-35; информация — Е 7-55-82; оформления — Е 1-70-32.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редакция: Ю. Н. Вернечо, Е. А. Долматовский, С. В. Егоров [ответственный секретарь], В. А. Кочетов, В. Л. Разуманчук [заместитель главного редактора], Е. И. Рабчиков, А. А. Сосин, Б. И. Степанов.

Рисунки не возвращаются.

Художественный редактор А. Б. Стуков.

Формулене В. Соколов.

Технический редактор Н. Вудкина.

А 00061. Подписано к печати 8/VI 1962 г. Тираж 800 000 экз. Над № 709. Заказ № 900.

Формат бумаги 70x108/16. 2 б. л. — 5,48 п. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда», Москва, ул. «Правды», 24.

1940г.

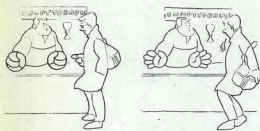
Цветное телевидение.

Рисунок А. Ротарьела.

Студенческая весна.

Рисунок Г. Оганесова.

— Почему мячи?

— Мячей нет!

Набрал!

Рисунки В. Тильмана.

Лирическая песня

В одной из радиопередач «С добрым утром!» прозвучала лирическая песня, созданная молодыми рабочими Московского радиоавтомобильного завода Владимиром Котловым и Геннадием Георгиевым. Авторы посвятили ее своим заводским товарищам, которые уехали с комсомольскими путевками на строительство дороги Абакан — Тайшет. Песня понравилась многим слушателям, и они выразили желание разучить ее. Возникла их просьба, мы публикуем эту песню.

Музыка Владимира КОТЛОВА.

Слова Геннадия ГЕОРГИЕВА.

В умеренном вальсовом движении

1. Ды-ма я си-рень ше-тет в тво-
-ем са-ду. Я в по-следний раз те-бя в а-л-ле-е этой жа-ды но-у-с-жа-я з-на-ю. Ра-
в не-зна-комый край, те-бе я не ска-жу „про-щай“ Вот д-ля-ря, ре-ш-а-ю на-
кры-шах. З-ву-ки ша-гов слы-шу в-да-ли. Д-ля-то мне з-тих ша-гов не ус-
-лы-шать, где-то на кра-ю зем-ли. 1. В эту даль-нюю

2. Воз-му, как тво-й при-вет осен-ний,
Что-бы рос-ли, что-бы цве-ли
Це-лые ро-щи д-рев-ной си-рени
Где-то на кра-ю зем-ли.

Очень не-легко от глаз тво-их уй-ти.
Так уж но-вело-ся, что жа-дут нас даль-ние
Но то-лько зна-й: все-гда, в ме-те-ли иди
в до-ждя, я ве-рю, ты ко мне при-дешь.

И а-ромат цвет-ов зна-комый,
Тех, что в са-ду ста-рым цве-ли,
С ра-до-стью встре-тить у но-вого до-ма
Где-то на кра-ю зем-ли.

Дикая сирень цветет в твоём саду.
Я в последний раз тебя в аллее этой жаду.
Но, услыжав завтра в незнакомый край,
Тебе я не скажу: «Прощай».

Вот догорел закат на крышах.
Звук шагов слышу вдали.
Долго мне этих шагов не услышать
Где-то на краю земли.

В этот дальний край, где города растут,
Где у бурных рек один романтики живут,
Возьму с собой взамен невмысленных слов
Я ветку голубых цветов.

Возьму, как твой привет осенний,
Чтобы росли, чтобы цвели
Целые рощи думистой сирени
Где-то на краю земли.

Очень тяжело от глаз твоих уйти.
Так уж повелось, что ждут нас дальние пути.
Но только знай: всегда, в метели и дождя,
Я верю, ты ко мне придешь.

И аромат цветов знакомый,
Тех, что в саду старом цвели,
С радостью встретить у нового дома
Где-то на краю земли.

